
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Северный номер

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 8 (1549)

17 ФЕВРАЛЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Славной армии тружеников Советского Севера посвящается этот номер

Вечером в оленеводческом колхозе «Тундра», Ловозерского района, Мурманской области.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Бригадир оленеводов Ятте, пастухи С. Дьячков и Канва приехали в Магадан на областной слет передовиков-оленеводов.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Строительство новой буровой скважины в Ухтинском газо-нефтяном бассейне.

Фото С. Фридлянда.

Коми АССР. Таежный поселок газонефтяников. Здесь в феврале 1956 года первая Джебольская скважина дала фонтан дебитом около миллиона кубометров газа в сутки.

Фото С. Фридлянда.

М. П. ТАРАСОВ, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

СЕВЕР НАШ

Необозримы просторы Севера нашей Родины. От границы с Норвегией на западе до Тихого океана на востоке тянутся тундра, девственная тайга, бесчисленные горные хребты, огромные пространства суши, омываемые студеными морями.

Всем своим историческим бытием русский народ связан с этими суровыми краями. Еще в XII веке появились новгородцы на Белом море и Кольском полуострове. Отважные поморы плавали на своих утлых ладьях к Груманту (Шпицбергену) и Матке (Новой Земле) задолго до появления там мореходов из Западной Европы. Славной плеяде наших землепроходцев человечество обязано первыми сведениями о неведомой дотоле Сибири. Выдающимися географическими открытиями обогатили мировую науку питомцы молодого петровского флота Беринг, Чириков, братья Лаптевы, Челюскин, нанеся на карту северное побережье Азии. Это их назвал «российскими Колумбами» великий северянин М. В. Ломоносов.

Но в царской России Север долгие века оставался «краем непуганых птиц и нехоженых троп», «ледяной тюрьмой без решеток». Безнаказанный грабеж колонизаторов обрекал на нищету и вымирание целые племена, искони селившиеся в тайге и тундре. В глушь Сибири и Якутии ссылали революционеров — борцов за народное счастье.

Все попытки прогрессивных деятелей прошлого начать разумное освоение природных богатств Севера неизбежно оканчивались провалом. Когда в 1867 году золотопромышленник М. К. Сидоров обратился к наследнику (будущему царю Александру III) с запиской «О средствах вырвать Север России из его бедственного положения», воспитатель наследника генерал Зиновьев ответил такой резолюцией: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные».

Север нашей страны возродился к новой жизни после победы Великого Октября. Уже в пору юности Республики Советов В. И. Ленин заботился о развитии производительных сил далеких окраин. В 1918 году Владимир Ильич поручил ВСНХ обследовать нефтяные и угольные месторождения Печорского края, дал указание об изысканиях железнодорожной линии Москва — Ухта, подписал постановление Совнаркома об ассигновании миллиона рублей на морскую экспедицию в Северный Ледовитый океан. Ленинским декретом от 10 марта 1921 года был создан Плавучий морской научный институт: «Районом деятельности института определить Северный Ледовитый океан с его морями и устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями РСФСР, Европы и Азии».

Освоению Севера в первые годы Советской власти помешали интервенция и гражданская война. В памяти нашего народа никогда не изгладятся злодеяния англо-франко-американских империалистов, оккупировавших в 1918—1919 годах Архангельск и Мурманск. Неисчислимые страдания принесли населению Чукотки хозяйничавшие там американские хищники-купцы. О том, какое важное место отводилось Северу в разбойничьих замыслах Антанты, можно судить по воспоминаниям Ллойд Джорджа: «Союзники могли проникнуть в Россию двумя путями: либо через Арктику в Мурманск и Архангельск, либо через Владивосток — в Сибирь. Нашей основной заботой было держать оба эти пути свободными».

Героическая борьба нашего народа, руководимого Коммунистической партией, сорвала планы интервентов. Победоносная Красная Армия выбила оккупантов сначала из Архангельска и Мурманска, а затем и из Владивостока. Оба пути стали свободными, но не для Антанты, а для первого в мире государства рабочих и крестьян, для связи нашей Родины с ее далекими северными окраинами и внешним миром.

Империалисты и после гражданской войны посягали на полярные владения СССР. В 1921 году англичане и канадцы высадились на острове Врангеля и объявили его владением Британской империи. Но уже через три года незадачливые колонизаторы были с позором изгнаны оттуда, и английское правительство было вынуждено официально заявить, что оно не имеет претензий на этот остров.

Чтобы навсегда обезопасить наши северные рубежи от посягательств империалистов, Президиум ЦИКа СССР постановлением от 15 апреля 1926 года объявил территорией Советского Союза все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова в Северном Ледовитом океане, расположенные между меридианами наших государственных границ.

Далекие северные окраины начали жить одной жизнью со всей Советской страной.

Ленинская национальная политика принесла равноправие народам Севера, которых царизм угнетал и третировал как «инородцев». Развернулось огромное хозяйственное и культурное строительство среди кочевых северных племен, чтобы преодолеть их многовековую отсталость и поднять жизненный уровень.

Годы социалистического строительства преобразили облик наших северных окраин. Всестороннее изучение природных богатств, рациональное, по единому государственному плану, их использование позволили в кратчайшие сроки добиться огромных успехов.

Нет больше пустынного, захолустного Мурмана! На Баренцевом море вырос первоклассный незамерзающий Мурманский порт, появился многочисленный промысловый флот, снабжающий страну рыбой. Химическая промышленность Кировска, созданная на богатейших в мире апатитовых месторождениях Хибин, дает минеральные удобрения колхозным и совхозным полям. В тундре Кольского полуострова и Таймыра работают Мончегорский и Норильский полиметаллические комбинаты, выпускающие никель и другие цветные металлы. Заполярным Донбассом называют теперь Печорский угольный бассейн. Ценные нефтепродукты дают промыслы Ухты.

Корабли под флагами многих наций посещают Игарку — морской порт в низовьях Енисея, вывозя оттуда на экспорт высококачественный сибирский лес. Золото и олово добываются на рудниках Колымы, Индигирки, Яны. На крайнем северо-востоке страны, который еще тридцать лет назад был всего лишь географическим понятием, расположена теперь Магаданская область — одна из самых молодых в составе Российской Федерации.

Интервью „Огонька"

ЕЙ РОДИНЫ

Советские люди создали в крае вечной мерзлоты и долгих полярных ночей новые города, по благоустройству не уступающие крупнейшим городам, расположенным в умеренном поясе и на юге.

Северные окраины надежно связаны со всей страной различными видами транспорта. На Ухту, к Воркуте и дальше, вплоть до низовьев Оби, проложена Северо-Печорская железная дорога. Рельсы вышли и к берегу Лены, соединив этот важнейший водный путь Якутии с великой транссибирской магистралью. Освоен Северный морской путь — кратчайшая судоходная трасса между Западом и Дальним Востоком, связывающая бассейны Атлантики и Тихого океана с устьями великих сибирских рек.

Шоссейные дороги протяженностью в тысячи километров пересекают тайгу и горные хребты. В любой город Заполярья можно попасть из Москвы на рейсовом самолете гражданской авиации.

Под мудрым руководством Коммунистической партии, при братской помощи русского народа народы Севера прошли огромный путь развития.

Наиболее многочисленные северные народы — якуты и коми — свыше тридцати лет имеют самостоятельное государственное устройство. Автономные республики Якутская и Коми — самые крупные по территории из четырнадцати республик, входящих в состав РСФСР. Более четверти века существуют на Севере национальные округи, население которых: ненцы, ханты, манси, эвенки, чукчи, коряки и другие народности — имеет своих депутатов в Совете Национальностей Верховного Совета СССР.

Коллективизация сельского хозяйства избавила народности Севера от кабалы местных богатеев, объединила тружеников тундры и тайги в оленеводческие, охотничьи и рыболовецкие колхозы. Через широко разветвленную сеть потребительской кооперации Советское государство повседневно помогает им, снабжая товарами и орудиями труда.

Успехи мичуринской агробиологической науки позволили продвинуть земледелие далеко за Полярный круг. Там, где прежде люди болели цынгой из-за недостатка витаминов, теперь северные совхозы снимают богатые урожаи картофеля, капусты, снабжают свежим молоком население городов.

Охотничий промысел в тундре и тайге, звероводческие фермы при колхозах и пушные совхозы Севера дают более половины всей пушнины, заготавливаемой в стране, и в том числе наиболее ценные меха: белку, соболя, горностая, песцов.

Изменился и сам жизненный уклад народов Севера. Многие недавние кочевники стали оседлыми. На месте стойбищ вырастают поселки. На смену чумам и ярангам приходят современные дома.

До революции коренное население Севера было почти поголовно неграмотным. Даже такой многочисленный народ, как якутский, не имел своей письменности.

Ныне Якутск стал университетским городом. В северных национальных округах работает более шестисот школ, в которых учится свыше 40 тысяч детей. Подавляющее большинство учащихся из числа детей народов Севера живет на полном государственном обеспечении в интернатах при школах.

Дети охотников, оленеводов, рыбаков учатся грамоте на своих родных языках по учебникам, которые массовыми тиражами выпускаются нашими издательствами. Педагогические училища, специальные факультеты народов Севера при Ленинградском и Хабаровском пединститутах готовят кадры учителей для национальных школ.

Наглядны успехи и советского здравоохранения на Севере. Если до революции во всей Тобольской губернии было только 7 больниц и 20 фельдшерских пунктов, то теперь в расположенных на этой территории Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах имеется 57 больниц, 345 фельдшерских пунктов, 5 противотуберкулезных и противотрахомных диспансеров, 4 станции санитарной авиации, 113 детских яслей.

Около 22 тысяч врачей и медицинских работников трудится на Советском Севере. Хабаровский медицинский институт и училища в национальных округах готовят врачей и работников здравоохранения из коренных жителей Севера.

Широкий доступ к образованию способствует росту своей, национальной интеллигенции. Среди молодых якутов, чукчей, эвенков, ненцев, чьи отцы знали только первобытную, полудикую жизнь, теперь можно встретить учителей, врачей, летчиков, радистов, ученых, писателей, артистов.

В 1957 году труженики Севера вместе со всем советским народом радостно отметят сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Новая эра в истории человечества стала счастливой молодостью для народов, населяющих необозримые пространства, которые тысячелетиями оставались пустыней. Полнокровная, кипучая советская жизнь воцарилась в краях ледяного безмолвия.

Северу страны наряду с Сибирью и Дальним Востоком отведено видное место в Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану.

Колоссальные запасы природного газа, обнаруженные в низовьях Оби, позволят снабдить дешевым топливом промышленность Урала. В Якутии возникает новая отрасль промышленности — добыча алмазов, крайне необходимых для нашей социалистической индустрии. На Чукотке намечено освоить ряд новых месторождений полезных ископаемых.

Дальнейшее развитие получает Северный морской путь. Арктический флот пополняется новыми судами и в том числе первым в мире ледоколом с атомным двигателем.

Забота Советского государства о народах Севера нашла новое выражение в недавно принятом Советом Министров РСФСР постановлении, которое содержит развернутую программу дальнейшего подъема хозяйства и культуры коренных жителей северных окраин. Строится много новых школ, больниц, клубов, значительно увеличивается завоз товаров на Север, укрепляется материальная база колхозов.

Освоить Север, использовать его несметные богатства на благо Родины, на строительстве коммунистического общества — почетная и благородная задача. По призыву партии, по велению собственных сердец на Север едут тысячи и тысячи молодых патриотов. На стройках новых городов, на рудниках и промыслах они самоотверженно трудятся, повседневно ощущая дружескую поддержку всего советского народа.

ЗА МИР, ЗА КОММУНИЗМ!

Воля избирателей ярко сказывается в работах нашего социалистического парламента. Эту волю выражают верные слуги народа — депутаты Верховного Совета СССР. Не только местными интересами движимы они, когда вносят предложения о новом строительстве, об увеличении ассигнований на социально-культурные мероприятия. Депутаты исходят из интересов всего государства в целом, преследуют одну цель — благо советского человека.

При обсуждении Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета на 1957 год на сессии Верховного Совета было внесено много ценных предложений, много острых критических замечаний пришлось выслушать в свой адрес руководителям министерств и других государственных органов. Выступления на сессии были проникнуты творческой энергией, характерной для советского народа, чей самоотверженный труд направлен на новый подъем экономики, культуры, благосостояния трудящихся.

Народнохозяйственный план и бюджет Советского государства на второй год шестой пятилетки, разработанные на основе Директив XX съезда КПСС и указаний декабрьского Пленума ЦК партии, предусматривают дальнейший подъем социалистической экономики, улучшение материального благосостояния и повышение культурного уровня народа.

Советские люди с воодушевлением восприняли эту программу работ, повсюду с новой силой развертывается соревнование в честь 40-й годовщины Великого Октября.

Конституция СССР предоставляет союзным республикам широкие суверенные права.

Законы, принятые шестой сессией Верховного Совета СССР, — это еще один шаг по пути дальнейшего расширения прав союзных республик. Отныне к их ведению отнесено издание законов по судоустройству, а также принятие гражданского, уголовного и процессуальных кодексов. Наряду с этим в ведение союзных республик теперь входят и вопросы областного и краевого административно-территориального устройства.

Образование Экономической комиссии Совета Национальностей, составленной из авторитетных представителей всех республик, крупных знатоков республиканской экономики, дает возможность на основе изучения многостороннего опыта готовить предложения по вопросам хозяйственного и культурного развития союзных республик.

Законы, принятые Верховным Советом СССР, наглядно демонстрируют торжество ленинской национальной политики, непрерывно крепнущую дружбу братских советских народов.

Сессия приняла новое Положение о Верховном Суде СССР и избрала членов Верховного Суда и народных заседателей.

Весь советский народ, международная общественность с пристальным вниманием следили за обсуждением на сессии вопросов международного положения и внешней политики СССР. Перед всем миром вновь была продемонстрирована воля миллионов советских людей к сохранению мира, их готовность отстаивать дело мира и в то же время зорко стоять на страже великих завоеваний Октября. С огромной силой прозвучал призыв советского народа всячески смягчать международное положение, обеспечить мирное сосуществование всех народов земного шара. Шестая сессия Верховного Совета СССР еще раз показала, сколь велик международный авторитет Советского Союза, неутомимого борца за мир, демократию, за торжество великого дела коммунизма.

Законы, принятые сессией, выражают заботу Коммунистической партии и Советского правительства о дальнейшем расцвете нашей Родины, об укреплении ее могущества, о все более полном удовлетворении растущих материальных и духовных потребностей трудящихся нашей страны.

ПОСЛАНЦЫ СОВЕТСКОГО СЕВЕРА

На снимках: вверху — депутаты Верховного Совета СССР М. А. Чудинова — заведующая кафедрой Якутского государственного университета — и С. З. Борисов — секретарь Якутского обкома КПСС.

Внизу — группа депутатов Верховного Совета СССР в Кремле. Слева направо: П. С. Чеусова — бригадир колхоза имени Мичурина, Сыктывдинского района, Коми АССР; Х. П. Пухленкина — директор партийных курсов при Ханты-Мансийском окружкоме КПСС Тюменской области; М. П. Койначенок — председатель исполкома Эвенкийского окружиого Совета Красноярского края; Г. И. Бекерев — председатель исполкома Корякского окружного Совета Камчатской области; Т. П. Дмитриева — главный врач республиканского детского костнотуберкулезного санатория в Якутске; А. И. Марков — капитан теплохода «Первая пятилетка» Ленского речного пароходства; Е. И. Ямзин — секретарь Ямало-Ненецкого окружкома КПСС Тюменской области; Д. В. Киприянов — председатель колхоза имени Сталина, Орджоникидзевского района, Якутской АССР; В. Х. Вырдылин — секретарь Булунского райкома КПСС Якутской АССР; М. М. Голиков — бригадир-оленевод колхоза «Победа», Томпонского района, Якутской АССР; К. С. Андрианов — главный геолог Верхне-Индигирского геологоразведочного управления; М. Д. Нартахова — председатель Президиума Верховного Совета Якутской АССР; М. Н. Оконешников — комбайнер Маинской МТС Мегино-Кангаласского района, Якутской АССР; М. П. Михайлов — председатель колхоза «Путь к коммунизму», Сунтарского района, Якутской АССР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Новикова.

Исследователи недр

Над хребтом Тас-Хаяхтах.

Академик Д. ЩЕРБАКОВ,
доктор геолого-минералогических наук Е. ШАТАЛОВ

Северо-восток Азии! Всего лишь четверть века назад необжитой, почти не исследованной была эта далекая часть Советского Союза, включающая бассейны рек Яны, Индигирки, Колымы, Анадыря, побережье Охотского моря. Капитан Дж. Биллингс, изучавший в 1785—1793 годах эти места, писал про Чукотский полуостров: «Словом сказать, вся Чукоция есть не что иное, как громада голых камней.. По наружному виду рассуждая о сей стране, нельзя подумать, чтобы во внутренностях ее крылись какие-либо драгоценные произведения природы».

Правда, переводчик труда Биллингса Коржавин снабдил последние строчки едкой сноской: «Как капитан Биллингс проезжал чрез Чукотскую землю в зимнее время, когда покрыты были все места снегом, то и не можно было ему делать примечаний касательно сего предмета». Это примечание Коржавина, как показало время, было крайне справедливо.

Начало геологическому изучению северо-востока Азии положил И. Д. Черский. За участие в польском восстании 1863 года он еще юношей был сослан в Сибирь. Только в 1885 году И. Д. Черскому было разрешено посетить Петербург. В 1891 году он осуществил свою давнишнюю мечту — организовал экспедицию Академии наук на северо-восток страны и прошел из Якутска до Верхне-Колымска, затем далее вниз по Колыме. Не доезжая Н.-Колымска, И. Д. Черский, человек слабого здоровья, скончался. Дальнейшие наблюдения некоторое время вела его жена. Черский описал горные цепи Тас-Кыстабыт, Улахан-Чистай и Томус-Хая, угленосные отложения по рекам Зырянке и Алдану и у подножия Верхоянского хребта. Нельзя не отметить, что собранные им геологические материалы оставались заброшенными в течение почти сорока лет и только при Советской власти коллекции И. Д. Черского были обработаны.

Если к географическим и геологическим исследованиям добавить некоторые этнографические, зоологические и ботанические работы, то можно получить достаточно полное представление об изучении Крайнего Севера в дореволюционной России почти за триста лет. Результат их — географическая карта с более или менее правильными контурами побережья, но с совершенно неверной и искаженной гидросетью и двумя — тремя ниточками геологических маршрутов Черского, Казанского и Воллосовича. Никакого представления о полезных ископаемых этих мест не было.

После установления на Крайнем Севере Советской власти началось бурное изучение северо-восточной части нашей Родины.

Только за пять лет — с 1926 по 1930 год — на Колыме и в соседних с ней районах побывало несколько крупных экспедиций: С. В. Обручева, Ю. А. Билибина, И. Ф. Молодых, В. А. Цареградского. Первые же исследования показали, как, в сущности, были неправильны имевшиеся представления о географии, геологии и полезных ископаемых этого замечательного края. Пришлось менять на картах течение рек, отклоняя их на расстояния до двухсот пятидесяти — трехсот километров; наносить на карты открытые новые горные хребты и цепи. Так, в результате исследований С. В. Обручева была выявлена мощная горная система, простирающаяся на тысячу километров и состоящая из параллельных высоких цепей. В честь первого исследователя геологии Севера ее назвали хребтом Черского.

За последние двадцать пять лет, с 1931 года, исследования носили планомерный характер и приняли исключительно широкий размах, особенно с открытием золотоносности и оловоносности края. Еще в 1929 году экспедиция Ю. А. Билибина выявила новый богатый золотоносный район на притоке Колымы — реке Утиной; золотоносность была установлена поисковиком-разведчиком С. Д. Раковским, который и по сей день работает в этих местах.

Ю. А. Билибин дал смелый прогноз о значительном распространении золотоносной зоны, блестяще подтвердившийся последующими детальными исследованиями. Здесь ежегодно работали десятки, а впоследствии сотни геологических экспедиций и партий. Комплексными поисками полезных ископаемых были охвачены колоссальные, ранее не изученные площади в сотни тысяч квадратных километров. Геологические съемки велись со все возрастающей детальностью на миллионах квадратных километров северо-востока СССР. Одновременно проводилась аэрофотосъемка, которая позволила в короткий срок дать полноценные топографические карты.

Кроме золота, были обнаружены богатые месторождения олова, вольфрама, угля. Теоретической основой для поисков оловянных и вольфрамовых месторождений послужили замечательные научные обобщения профессора С. С. Смирнова, впоследствии академика, разработавшего представления о так называемом Тихоокеанском рудном поясе.

Сегодня отчетливо вырисовывается геологическое «лицо» северо-востока Азии. Расшифровано геологическое строение этого интереснейшего района нашей страны. Детально изучены гранитные массивы, с внедрением которых связано образование золоторудных и оловорудных месторождений. Проведенные в этом крае работы геологов позволили выявить закономерности распределения месторождений полезных ископаемых и связь их с геологическим строением.

Вдоль западного и северного побережья Охотского моря и через верховья Анадыря к Чукотскому полуострову проходит гигантская вулканическая дуга. Она образовалась из изверженных лав некогда действовавших здесь вулканов. Вторая такая вулканическая дуга более молодого возраста, с современными вулканами, проходит вдоль Курильских островов, Камчатки и уходит затем в сторону Алеутских островов.

На основании многочисленных данных Л. А. Снятковым совместно с другими геологами Дальстроя составлены детальные геологические карты. Все они вошли в новую детальную геологическую карту Советского Союза 1956 года, созданную под руководством академика Д. В. Наливкина. Масштаб ее 1 : 2 500 000. На ней впервые нет белых пятен и северо-восток представлен так же четко и полно, как и старейшие горнорудные районы Урала, Алтая, Забайкалья.

Систематические исследования геологов подтвердили смелые прогнозы Ю. А. Билибина и С. С. Смирнова. Самоотверженным трудом сотен разведчиков недр были выявлены и переданы в промышленное освоение многие десятки богатых месторождений полезных ископаемых — золота, олова, вольфрама, угля, обнаруженных в бассейнах рек Колымы, Индигирки, Яны, на Чукотском полуострове. Месторождения золота оказались столь богатыми, что затмили даже легендарный Клондайк.

Освоение края шло широким фронтом с кардинальным решением основных проблем транспорта и снабжения, жилищного и культурно-бытового строительства. Интенсивно развивалась горнорудная промышленность, оснащаясь самой передовой, совершенной техникой.

В той самой суровой «Чукоции», которую Биллингс считал столь безнадежной, возникли крупные горнопромышленные предприятия — рудники Валькумей, Иультин, прииск Красноармейский, построен порт Певек.

Бурные темпы строительства привлекли в эти края много молодых специалистов, которых не испугали ни суровый климат, ни трудности устройства в необжитых местах. В первую очередь это были геологи. На Колыме создалась своя школа геологов — поисковиков и разведчиков, умело сочетающих научную работу с практической деятельностью. Вслед за пионерами освоения этого края — геологами — представилось широкое поле деятельности горнякам и обогатителям, дорожникам и строителям, агрономам, врачам и учителям...

Нельзя не упомянуть и еще об одной привлекательной особенности северо-востока — о его просторах, безбрежной тайге, горах. Незабываемы скалистые массивы Улахан-Чистая, Тас-Хаяхтаха — высоких цепей хребта Черского, прорезаемых то бурными, то внешне спокойными, но стремительными потоками, в которых струится изумительно чистая, кристально-прозрачная, изумрудная вода. Красивы заросшие лесами с гористыми склонами долины многих рек, прежде всего Колымы, Яны, Индигирки. А торжественное безмолвие, царящее в тайге морозной зимой, когда высоко стоящая луна или северное сияние озаряют серебристый искрящийся снег, — все это картины сказочной красоты. Конечно, исследователя захватывает не только эта красота, но прежде всего жажда познания нового, разведки не изведанных еще мест.

Просторы северо-востока велики, и было бы неправильно считать, что здесь все уже исследовано, все найдено. Но мы помним слова Ломоносова: «...Металлы и минералы сами на двор не придут; требуют глаз и рук к своему прииску». Советские геологи, вооруженные современными теориями и методикой поисков полезных ископаемых, совершенными приборами и высокопроизводительной техникой, имеют эти «глаза и руки».

Задачи, стоящие перед разведчиками недр в шестой пятилетке, очень велики, и немалую часть из них можно решить при дальнейшем, еще более углубленном изучении северо-востока страны. Но для этого многочисленная армия геологов, горняков, строителей должна быть значительно пополнена, и в первую очередь молодежью. Земли северо-востока ждут, земли Севера зовут...

КОЛЬЦО ВОРКУТЫ

С. ФРИДЛЯНД

Мглистым утром полярной ночи... В конце декабря здесь, на 67° северной широты, возможно и такое немыслимое сочетание. Не показываясь над горизонтом и выдавая себя лишь слабым, отраженным светом, солнце недолго катится за краем земли на запад. Не переходя в день, утро быстро гасится сумерками. В темном небе без промедления всходит яркая луна.

Так вот, ранним сумрачным утром полярной ночи мы выехали на трассу Воркутинского кольца.

— Не заблудимся? — спросил я с сомнением, вглядываясь в беспорядочную россыпь огней вокруг нас.

— Плутать тут негде, как белка в колесе вертимся, — с горечью ответил подвижной молодой шофер. Его отчаянный водительский темперамент звал к стремительным скоростям на дальних дорогах. Однако замкнутое кольцо трассы, огромным эллипсом огибающее угольные шахты Воркуты, — единственная автомобильная дорога в этом крае вечной мерзлоты. Вплотную к ней подступает болотистое бездорожье тундры — ни проехать, ни пройти.

Кольцевая трасса начинается горняцким поселком Пригородный (многие десятки домиков с нахлобученными по самые окна снеговыми шапками и ровными над ними столбиками дыма). Слева, внутри кольца, показались очертания шахт. Мы едем по краю знаменитой Воркутинской мульды. Этот геологический термин требует короткого объяснения.

Представьте себе гигантский ковш диаметром в десятки километров, погруженный на два километра в землю и доверху заполненный мощными угольными пластами. Вот такое созданное природой за сотни миллионов лет залегание горных пород и называют мульдой. Двадцать с лишним лет шахтеры Воркуты черпают уголь из этой заполярной кладовой. Практически угля здесь хватит на несколько поколений горняков.

Начальник 32-й шахты А. Корнев с группой молодых горняков.

Сквозь толщу вечной мерзлоты строители пробивали дорогу к угольным пластам, пока не окружили сплошным кольцом шахт всю северную часть месторождения.

У каждой шахты своя история и свои приметы, дорогие для старожилов Воркуты.

— Посмотрите внимательнее на эту первую группу шахт, — сказал мой спутник горный инженер Н. А. Кабанов. — Не очень эффектны скромные деревянные строения на поверхности. Но их славная история заслуживает почетной доски. Они заложены в тяжелые первые годы войны, строились наспех, невзирая на лютые пурги, темень и морозы полярных ночей. Отсюда шли эшелоны к осажденному Ленинграду.

Внешне оставшись такими же скромными, эти шахты с тех пор стали совершенно иными. Конная откатка вагонеток заменена электровозной тягой. Врубовые машины уступили место углекомбайнам, и тяжелую работу проходки выработок выполняют сейчас горнопроходческие машины.

Красные звездочки на копрах, по давней шахтерской традиции, возвещают о выполнении плана.

...Пульс большой дороги бился горячо. Шли автомашины с грузами, проносились битком заполненные пассажирами красные автобусы; тяжело вздыхая, осторожно передвигали гусеницы массивные тягачи. Отчаянно сигналя, шофер безуспешно пытался достигнуть скорости, любезной его темпераменту, но вот он досадливо махнул рукой и резко затормозил у переезда. Под самым носом опустились длинные руки шлагбаума. Железнодорожный путь вторичным кольцом опоясывает мульду, выпуская короткие отростки к каждой шахте. С одной из них и шла «вертушка» с углем, направляясь на сортировочную станцию.

Передовые шахтеры Воркуты комбайнеры Николай Хмельницкий и Иван Прокофьев.

С грохотом промчался поезд. Медленно растаяли клубы пара, и снова открылась тундра, необъятная и с первого взгляда безжизненная. Но это не так.

Туда, в туманное бездорожье, отходит от кольца еще одна колея. Только что построенный, этот путь ведет к вновь разведанным богатствам. В глубинах тундры, на Хальмер-Юсском месторождении, уже строятся новые мощные шахты. К северу, востоку и западу от Воркуты залежи угольных пластов тянутся на многие десятки километров. Уже стали известны Паэмбойское и Силовское месторождения, раскинувшиеся среди бесчисленных озер, болот и карликовых лесов. Вся тундра, видимо, начинена углем, как гигантский слоеный пирог. К не изведанным еще границам уже нанесенных на геологические карты и вчерне подсчитанных богатств земляных недр движутся поисковые партии разведчиков. Они идут глухими тропами, приближаясь к берегам Ледовитого океана и склонам полярного Урала, прокладывая путь с помощью тракторов, вездеходов, а в иных случаях добираясь на вертолетах. Их домики, палатки, буровые станки, хрупкую сейсмографическую аппаратуру можно увидеть в местах, где еще не ступала нога человека. И, конечно, скоро появятся те просторные автомобильные дороги, о которых тоскует наш шофер. Но пока его удел — это замкнутое кольцо Воркуты, по которому мчалась наша машина.

Вдоль дороги возвышаются пирамиды терриконов. Это шахты, построенные уже в послевоенные годы. Их отличают красивые монументальные сооружения из железобетона и металла. Среди них совсем новая 32-я шахта. Несмотря на юность, — ей всего год от роду — этот «рослый младенец» еще в ноябре выполнил годовой план. Мы знакомимся с начальником шахты Андреем Федоровичем Корневым. Приземистый, крепко сколоченный, шумный и веселый, он беседует с группой шахтеров.

— Я, наверно, самый старый на нашей шахте. Уже тридцатый год на угольке сижу! А кругом меня все молодые, под стать самой шахте. Вон какие герои-молодцы!

Ребята, облаченные в спецовки, видимо, собираются спускаться в забой. Они приехали на Север после увольнения из армии. Закончив курсы, стали помощниками комбайнеров и навалоотбойщиками.

— Сейчас мы уже воркутяне, — говорит Герой Советского Союза Павел Зубенко. — Кое-кому из нас пришлось с неба под землю переселяться, как, например, бортрадистам Николаю Гержод и Саше Подладкину. А в общем, все мы привыкли к новому делу. Зарабатываем неплохо, а что климат немного суровый, так мы ведь не больные!

Действительно, трудно назвать слабенькими этих здоровенных парней.

— В чем непорядок, это с жильем, — коротко заключает свое интервью Зубенко.

Об этом «непорядке» заходит речь в любом разговоре с воркутянами. Уже сегодня горнякам нужно почти вдвое больше жилой площади, чем они ее имеют. Требуются дома, клубы, кинотеатры. На всем протяжении кольцевой трассы мы видели строящиеся здания. Строят, что называется, и днем и ночью — и строители и сами рабочие. И все же жилья не хватает.

Уже темнело, когда после 32-й шахты дорога круто свернула на юг, постепенно замыкая северную часть мульды. Справа, на высоком холме, заканчивается сооружение новой шахты. А за ней далеко на запад уходит недавно открытое месторождение Ворга-Шор. Границы его еще не определены, но разведанного достаточно, чтобы заложить там мощные шахты производительностью до восьми тысяч тонн угля в сутки.

Дорога вела нас все дальше. Ночь быстро сменила сумерки, и на соседней, 26-й, шахте повисли в темноте светлые капельки огней. Длинный хвост дыма обозначил очередную «вертушку», увозившую добытый уголь на станцию.

— Здесь, на 26-й шахте, мы познакомим вас с нашими рекордсменами, — сказал Николай Александрович Кабанов.

Речь шла не о рекорде одного дня или одного рабочего. Вся шахта в целом в течение всего года дала рекордную производительность комбайновой добычи угля. Лучшая бригада шахты в составе комбайнеров А. Чуканова, Н. Хмельницкого и И. Прокофьева с начала года и до конца его добывала на своем комбайне в среднем за месяц 20 700 тонн угля. Соответственны и результаты труда: средний заработок комбайнеров 26-й шахты — от четырех до шести тысяч рублей в месяц.

Кольцо Воркуты завершается шахтой № 8, возвышающейся в ночи, как утес. Это памятное место, здесь началась история заполярного угля: на берегу реки Воркуты в 1919 году сын народа коми, охотник Виктор Яковлевич Попов, нашел каменный уголь.

В дальнейшем широкие геологические исследования советских ученых и упорная разведка этих глухих районов Большеземельской тундры привели к открытию огромного угольного бассейна. Его границы протянулись от полярного Урала на востоке до среднего течения Печоры на западе, а на севере доходят до побережья Баренцева моря.

В 1934 году шахта № 8 выдала на-гора́ первый уголь Воркуты. Железной дороги тут не было, и уголь ждал трудный, долгий водный путь по рекам Усе и Печоре, через Нарьян-Мар в Архангельск. В 1941 году воркутяне отпраздновали вторую огромную победу: из Воркуты отошел первый поезд, открывая новую северную железнодорожную магистраль — Печорскую дорогу.

8-я шахта уже на пороге старости. Воркута сегодняшнего дня — это оснащенные сотнями машин высокопроизводительных машин современные шахты. Построенные в сложных условиях вечной мерзлоты, они ни в чем не уступают шахтам передовых бассейнов страны.

Около сорока лет прошло с того дня, как ныне награжденный орденом Ленина охотник Попов бродил по безлюдному в ту пору берегу Воркуты. А сейчас с крутого откоса видны тысячи светлячков — переливающиеся в темноте огни большого города. Ночь началась почти с самого утра, но в городе не утихает деятельная жизнь.

Все в движении в далеком городе. С каждым годом все больше людей в Воркуте, возникают тут новые улицы и здания. И самый город начал уже располагаться в более удобном месте. На километр — два севернее найдена большая площадь скальной поверхности, лишенная почвенного покрова вечной мерзлоты. Первое здание будущего центра города уже построено — многоэтажное здание Горного техникума.

Горняки полюбили суровый северный край и твердо верят в его большое будущее.

Чукотские мотивы

Виктор КЕУЛЬКУТ

Пусть стоит мороз

Пусть безудержно ветер дует,
пронимая зверей до слез,
пусть старуха-зима лютует,
пусть безжалостно жжет мороз —

мы бояться его не будем!..
И хоть хочется всем тепла,
нам, привычным к холоду людям,
надо делать свои дела.

Вот охотник поднялся рано,
смял полозьями снежный наст.
Он проверил уже капканы
и пушнину досрочно сдаст.

Вот, скользя на «вороньих лапках»[1],
гонит стадо оленевод...
Встали домики в белых шапках,
подпирающих небосвод.

Стужа злее, но солнце ярче!
Дни холодные сочтены...
Вот из школы вернулся мальчик,
взял ружье свое со стены.

Он, конечно, доволен очень,
что закончил учебный год...
Он охотиться белой ночью
на горластых гусей пойдет.

[1] Лыжи.

Младший брат

Самый младший мой брат
очень часто плакал
и повсюду за мной
бегал, как собака.

Я по ягоды в лес —
он за мною скачет.
Я морошку ищу —
он сидит и плачет.

По дрова — он за мной.
Там уснет устало.
И дрова и его
я тащу, бывало.

Как нагрянет мороз,
как промерзнут лужи,
я пойду — он за мной,
не боится стужи.

А теперь он подрос,
учится в десятом...
Что ж, учись,
не ленись,
будь хорошим братом!

Перевел с чукотского Н. СТАРШИНОВ.

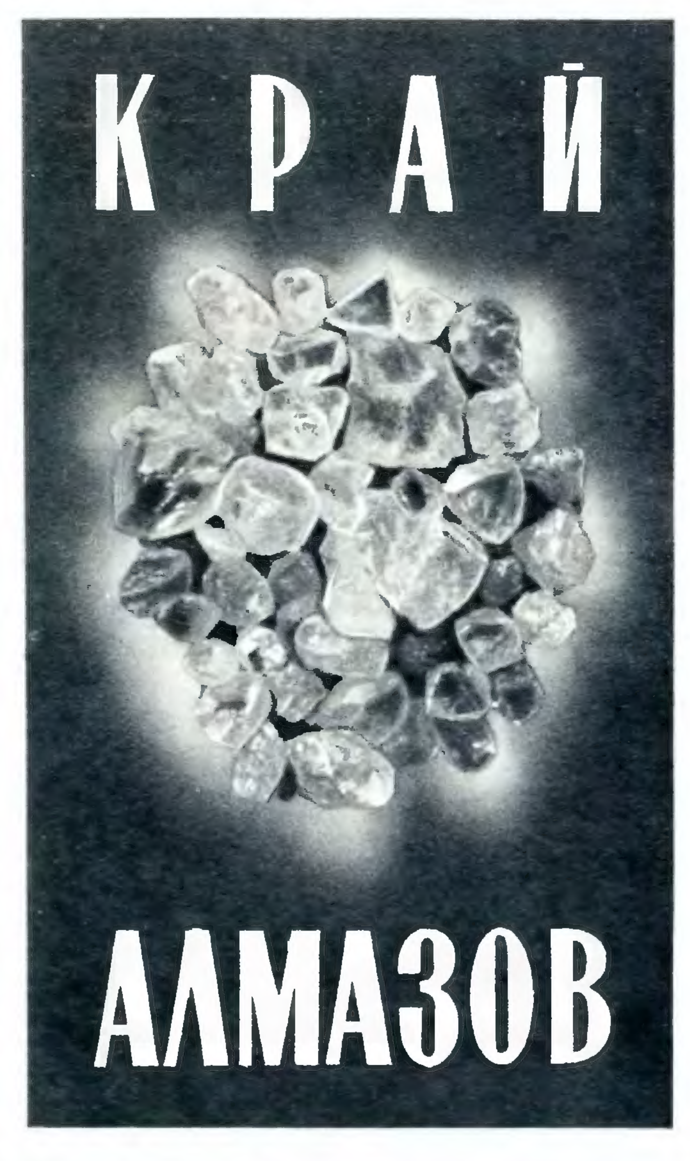
Рис. П. Караченцова.

Интервью «Огонька»

М. БОНДАРЕНКО,

начальник Амакинской экспедиции Министерства геологии и охраны недр СССР

Почему наша экспедиция называется Амакинской? От эвенского слова амака — медведь. Хоть у нас, разведчиков недр, и мало общего с зоологией, но работаем мы в крае, который недавно еще по справедливости называли медвежьим углом. Взглянем на карту: к северу от бассейна среднего течения Лены до самого Ледовитого моря Лаптевых простираются глухая, нехоженая тайга, безлюдные сопки, тундра.

В предвоенные годы советские ученые-геологи Владимир Степанович Соболев и Александр Петрович Буров теоретически обосновали, что в этих местах есть условия для поисков месторождений алмазов. Геологопоисковые работы, начатые вскоре после окончания войны в бассейне верхнего течения реки Нижней Тунгуски, подтвердили прогноз ученых. В 1948 году в песчано-галечных наносах одного из притоков этой реки были обнаружены первые алмазы. А в 1949—1950 годах геологи Амакинской экспедиции открыли первые, пока еще незначительные алмазные россыпи на Вилюе и его притоке Мархе.

В 1954 году геолог Владимир Дмитриевич Скульский нашел алмазную россыпь в верхнем течении Мархи. И вскоре геолог Лариса Анатольевна Попугаева обнаружила в этом районе и коренное месторождение алмазов.

Еще через год в этой же местности было нанесено на карту около двух десятков подобных месторождений, открытых В. Н. Щукиным, Ф. Ф. Ильиным, Г. М. Покровским, А. А. Брянских. И почти одновременно в 1 200 километрах к юго-востоку геологи Ю. И. Хабардин и Е. Н. Елагина обнаружили богатейшее коренное месторождение «Мир». 1956 год ознаменовался новыми успехами наших разведчиков. Алмазы были найдены за Полярным кругом. Границы алмазоносных земель раздвигаются все дальше к северу и западу.

О том, насколько трудно найти коренные алмазные месторождения, можно судить по опыту наших уральских геологов. Вот уже более столетия, как на Урале были найдены алмазы в россыпях, а коренные месторождения этого драгоценного камня до сих пор не обнаружены.

Добыча на Урале удовлетворяет ничтожную долю потребности нашей промышленности в алмазах. Остальное приходится ввозить из-за границы и тратить на это большие суммы.

Интересны цифры мировой добычи и потребления алмазов. Из 19 миллионов каратов (карат равен одной пятой грамма), добываемых ежегодно, главным образом в Африке, 17 миллионов каратов используется в технике для оснащения бурового и режущего инструмента, на шлифовальных станках, в точном машиностроении. Только США импортируют 12—14 миллионов каратов. Как утверждает «Южно-Африканский горный журнал», если лишить индустрию США импорта алмазов, то промышленный потенциал этой крупнейшей капиталистической державы может сократиться примерно вдвое.

Широкое внедрение алмазов в нашу социалистическую технику и промышленность позволит в несколько раз увеличить производительность труда и даст многие миллиарды рублей экономии.

Народнохозяйственное значение открытий советских геологов в Якутии по достоинству оценено Н. А. Булганиным в докладе на XX съезде КПСС.

За один прошлый, 1956 год, когда добыча алмазов в нашей Амакинской экспедиции шла лишь попутно с разведочными работами, геологи дали стране этого драгоценного камня в несколько раз больше, чем ежегодно дают действующие прииски Урала. В числе найденных в прошлом году алмазов встречались камни до 32 каратов.

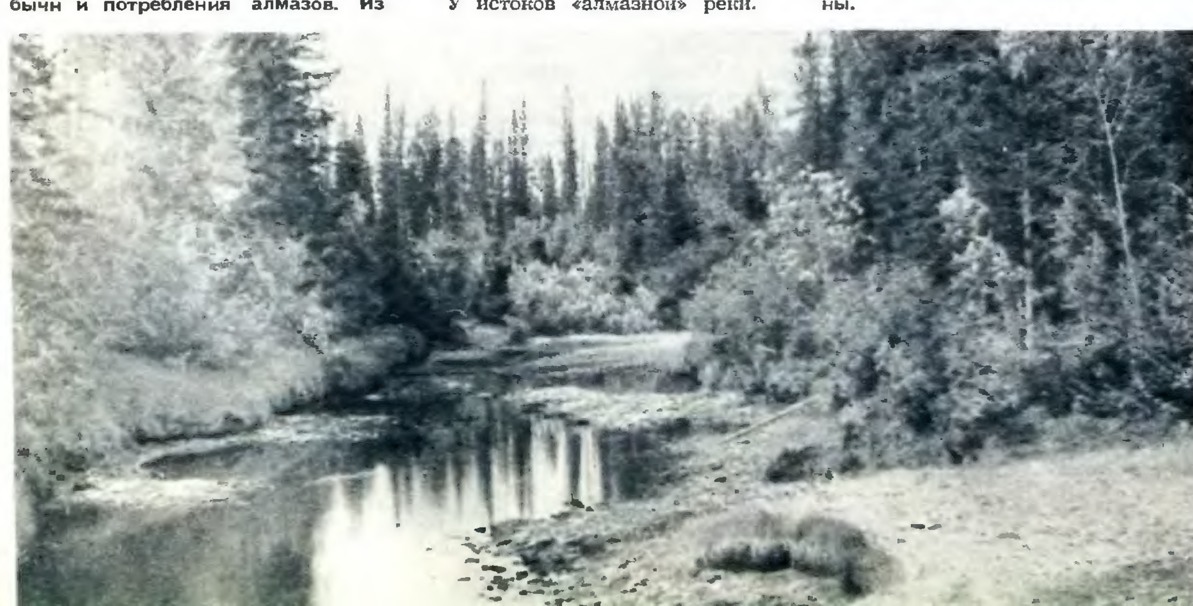
Освоение огромного, безлюдного прежде края началось. Десятки геологических партий, тысячи рабочих, инженеров, техников трудятся сейчас в бассейне Вилюя. Сотней новых домов обогатилась Нюрба—районный центр, где расположена главная база Амакинской экспедиции; поселки геологов возникают всюду, где открыты месторождения алмазов. Вековую тишину тайги нарушил рокот дизелей, шум компрессоров, грохот экскаваторов. Во тьме северных ночей светятся огни передвижных электростанций.

На всех месторождениях, где геологи продолжают разведки, работают походные обогатительные фабрики, минералогические лаборатории. Горняки проходят шурфы, а обогатители, тщательно обрабатывая породу, получают концентрат, из которого с помощью рентгеновских лучей извлекаются драгоценные зерна алмазов.

Недалеко время, когда на месте нынешних походных лагерей вырастут постоянно действующие предприятия, появятся благоустроенные рабочие поселки. Уже сейчас надо готовиться к превращению сезонных зимних дорог в настоящие, благоустроенные шоссе. Транспорт — одна из первоочередных проблем освоения края. Десятки тысяч тонн машинного оборудования, продовольствия и товаров надо доставлять в места, где еще недавно не ступала нога человека.

Рудникам и обогатительным фабрикам понадобится много электроэнергии. Первую мощную электростанцию намечается строить на базе найденных здесь богатых залежей бурого угля. Высоковольтные линии протянутся на сотни километров.

Медвежий угол Якутии становится алмазным краем — новым индустриальным очагом нашей Родины.

У истоков «алмазной» реки.

РАДИОГРАММА С САМОЙ СЕВЕРНОЙ ТОЧКИ АЗИИ

В этом году исполняется четверть века со времени исторического плавания советского ледокольного парохода «Сибиряков», впервые прошедшего в одну навигацию от Белого моря до Берингова пролива. Рейсом «Сибирякова» началось освоение Северного морского пути. Сотни морских судов курсируют теперь по этой постоянно действующей трассе, перевозя грузы и пассажиров. Множество полярных станций, расположенных на побережье материка, на островах и в дрейфующих льдах океана, занято обслуживанием арктических навигаций и разносторонней научной работой.

На мысе Челюскин, самой северной точке Азии, четверть века назад была создана небольшая полярная станция. Ныне здесь расположен радиометеорологический центр.

Редакция «Огонька» связалась по радио с мысом Челюскин. Начальник радиометеорологического центра Ф. К. Юзефович сообщил:

— Подходит к концу долгая полярная ночь, начавшаяся у нас еще в октябре. Скоро над торосистыми льдами пролива Вилькицкого, соединяющего Карское море с морем Лаптевых, появится солнце. Нынешняя зима необычайно морозная, снежная. Температура воздуха не поднималась выше минус 30 градусов. После частых штормов и пурги поселок полярников занесен многометровыми сугробами.

В четыре часа утра по московскому времени вступают на свои вахты метеорологи, аэрологи, гидрологи, радиооператоры, среди которых немало молодых специалистов— выпускников Ленинградского высшего арктического училища.

Мощный радиоузел поселка транслирует по всем жилым домам и лабораториям ученых последние известия, обзор центральных газет; полярники всегда в курсе событий, происходящих в нашей стране и за ее рубежами. После работы в кают-компании проводятся киносеансы: смотрим новые фильмы, которые доставляют нам с Большой земли самолеты полярной авиации.

Вместе со всей страной полярники мыса Челюскин готовятся к предстоящим выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Мы будем голосовать за депутатов в свой поселковый Совет, а также в районный, окружной Советы и в краевой Совет Красноярского края.

Ознакомившись с решениями декабрьского Пленума ЦК КПСС, коллектив полярников мыса Челюскин принял конкретные обязательства: образцово подготовиться к арктической навигации, провести научные работы по программе предстоящего Международного геофизического года.

В читальном зале библиотеки Якутского государственного университета. На переднем плане — студенты Афанасий Луковцев и Елена Собакина.

Фото Я. Рюмкина.

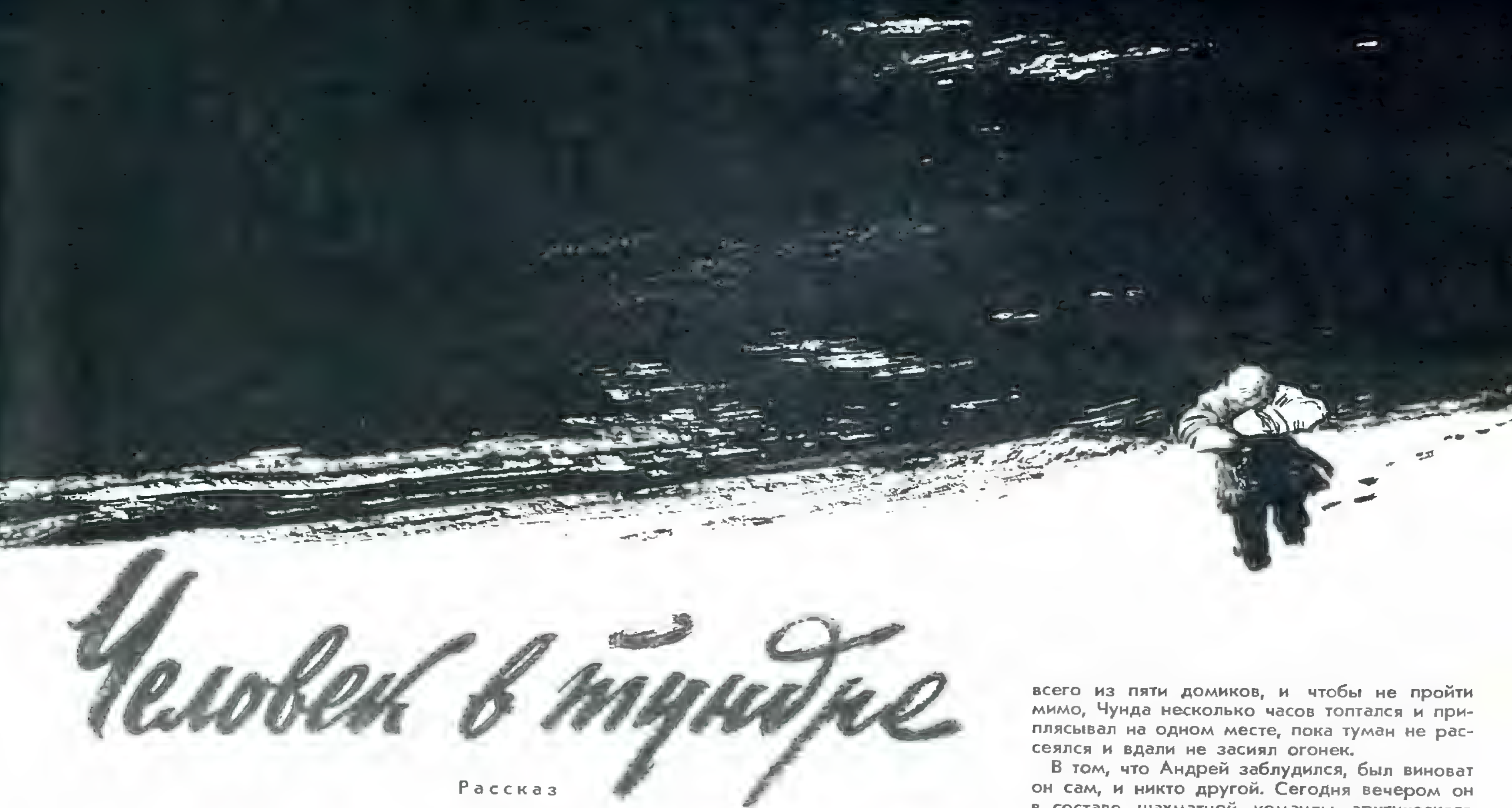
«Огонек».

Днем в полярном городе Воркуте.

Фото С. Фридлянда.

На Колымской автотрассе.

Фото Я. Рюмнина.

Человек в тундре

Рассказ

М. СКОРОХОДОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Еще до того, как рассеялся туман, Андрею стало ясно, что он давно прошел мимо поселка, и для него не было неожиданностью, когда вместо домов со светящимися окнами перед ним выросли груды скал, утопающие в снегу. Они отчетливо выделялись на равнине, залитой лунным светом. Ветерок, пролетев над тундрой, стих, словно он только для того и подул, чтобы разогнать туман и дать возможность Андрею окончательно убедиться в том, что он заблудился.

Поднявшись на вершину невысокого холма, Андрей огляделся. Его не покидало ощущение, что поселок где-то недалеко, но чем пристальнее он всматривался в мрак полярной ночи, тем тяжелее становилось на душе. Если бы знать, в какой стороне жилье и люди!

Долго стоял Андрей на вершине холма, медленно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, дрожа с головы до ног от волнения и холода. Разыскав Полярную звезду, он спустился с холма и пошел на юг, рассчитывая выйти на берег моря. Потом он пойдет вдоль берега — все равно, направо или налево — и рано или поздно выйдет если не к поселку, то к одной из зимовок промыслово-охотничьей станции, которые разбросаны здесь по всему побережью на сотни километров.

Только пурги бы не было...

Гребни заструг задымились мельчайшей снежной пылью. И вдруг словно кто-то толкнул Андрея в спину, он невольно зашагал быстрее, подгоняемый жестким, непрерывно усиливающимся ветром. Клубы снежной пыли пролетали у него над головой, поднимаясь все выше. Несколько минут он еще видел над собой сквозь темную пелену крупные звезды и красноватый лунный диск, охваченный бледным радужным кольцом, но затем черные вихри плотно закрыли небо, не оставив никакого просвета. Сухая летящая снежная пыль издавала тихий, зловещий шелест, который постепенно перешел в ровный, унылый гул. Непроглядная тьма окружила Андрея, и он шел, повинуясь ветру, с закрытыми глазами, спотыкаясь о заструги и чувствуя, как сердце холодеет у него от ужаса.

Пурга!

Горе тому, кто окажется с ней один на один в тундре. Она погасит все огни, близкие и далекие, небесные и земные, поведет человека по своему усмотрению к крутому каменистому обрыву, к ледяной кромке припая или в глубину безжизненной равнины. Тщательно заметая следы, она заставит путника пройти в нескольких метрах от жилья и не заметить его, а когда он ослабеет, свалит его наземь, наскоро закидает снегом и до весны никому не раскроет свою страшную тайну.

Пурга может длиться и один час и много суток подряд, не утихая ни на мгновение. Новички на севере испытывают перед пургой естественный страх; боятся ее и многие старожилы. Это они хранят и передают из поколения в поколение простые неписаные правила борьбы с грозной природой Крайнего Севера. Эти люди чувствуют себя хозяевами в тундре, они здесь дома.

Старожил, застигнутый пургой, пойдет по ветру не спеша, размеренным шагом, экономя силы, если, конечно, поблизости нет надежного убежища. Он всегда сумеет определить стороны света, даже если у него нет компаса. Для этого он воспользуется, например, застругами, которые всегда вытянуты по направлению господствующего в той или иной местности ветра. Наткнувшись случайно в пути на песцовую пасть[1] или навигационный знак, старожил обрадуется: сюда придут люди. Он не станет отдыхать во время пурги, каких бы усилий ему это ни стоило: отдых на снегу — это верная гибель.

В поселке Каменный Нос, где жил Андрей, таких полярников было несколько. Он вспомнил одного из них — охотника Чунду. Про него рассказывали много разных историй. Однажды в пургу он так далеко ушел от поселка, что вернулся только на восьмые сутки. У него был ручной медведь, который жил в дружбе с собаками и ходил в упряжке. Были у него прирученные дикие гуси, которые улетали осенью и возвращались к нему весной. Много лет назад с Чундой произошел случай, о котором Андрей не знал, иначе он сидел бы сейчас в общежитии, в теплой просторной комнате, еще не оштукатуренной, приятно пахнущей сосновым лесом. Чунда, как и Андрей, шел однажды ночью с острова в поселок и тоже попал в туман, примерно на полпути. Каменный Нос в те времена состоял всего из пяти домиков, и чтобы не пройти мимо, Чунда несколько часов топтался и приплясывал на одном месте, пока туман не рассеялся и вдали не засиял огонек.

[1] Ловушка для песца.

В том, что Андрей заблудился, был виноват он сам, и никто другой. Сегодня вечером он в составе шахматной команды арктического морского порта отправился на остров, где состоялась очередная шахматная битва портовиков с работниками полярной станции. Противником Андрея была девушка-радистка, которая неожиданно для всех, может быть, и для себя, заставила его быстро сложить оружие. На других досках в это время борьба только начиналась.

Разозленный неудачей, Андрей не стал дожидаться конца матча и, ни с кем не попрощавшись, отпросился домой. Дорога через пролив с обеих сторон была обозначена деревянными вехами с черными фанерными стрелами на концах, но Андрей пошел напрямик. Потом в тумане он так и не смог разыскать дорогу.

Мысль о том, что он сам виноват в своей беде, не приходила Андрею в голову. Он винил в этом секретаря комсомольской организации диспетчера Сашу Бровкина, который уговорил его принять участие в матче, свою противницу, которая так ловко воспользовалась его ошибками в начале партии, всех шахматистов-портовиков, видимо, не обративших внимания на его уход.

Шахматисты будут думать, что он давно дома, сами они в порт не вернутся из-за пурги, значит, его хватятся только завтра утром. А может быть, через несколько дней: ведь пурга может длиться неделю и больше. В порту подумают, что он остался вместе со всеми на острове, а когда хватятся, искать уже будет поздно...

Андрея не любили в порту за пьяные дебоши, которые он устраивал в общежитии, за ядовитый язык, за удивительную способность видеть в людях только плохое. Особенно не любил Андрея — так, по крайней мере, ему казалось — главный инженер порта Константин Георгиевич Скачков, бывший путиловец, тоже новичок в Арктике. За весь год Андрей не слышал от него ни одного ласкового слова. И сам он при каждом удобном случае высказывал свое нелестное мнение об инженере, выбирая слова самые язвительные и злые. Первое столкновение у них произошло, когда Андрей наотрез отказался заниматься в вечерней школе молодежи. Скачков долго говорил с ним об этом, но Андрей был непреклонен.

— Не ваше это дело, — заявил он, — хочу — учусь, хочу — нет! Не уговаривайте, не маленький.

Он работал тогда мотористом на портовом катере «Шквал», но после двух прогулов Скачков перевел его сначала в строительную

бригаду, а совсем недавно — кочегаром на электростанцию. К этому времени Андрей уже потерял счет своим прогулам и знал, что его терпят в порту только до открытия навигации. Скачков так ему и заявил однажды:

— С первым пароходом отправишься на Большую землю. Я бы тебя сейчас уволил, да нельзя: умрешь с голоду.

— Увольняйте и не беспокойтесь, — гордо ответил Андрей, — не умру!

— А работать где будешь?

— Проживу и без работы.

— Кто же тебя кормить будет?

На этот вопрос Андрей не ответил.

Мелкими, быстрыми шагами семенил Андрей по застругам и чувствовал, как разгорается в нем злоба на главного инженера и все острее становится жалость к самому себе.

«Больше всех обрадуется, черт, — думал Андрей, — когда узнает, что я пропал. Давно мечтает от меня избавиться. И Сашка Бровкин рад будет: надоел я ему, как осенняя муха».

В глубине души Андрей еще надеялся выйти неожиданно прямо к поселку, стукнуться вдруг о стену дома. Ввалиться бы сейчас в свою комнату к ребятам, раздеться и прислониться к печке. Столовая уже закрыта, но в тумбочке у него есть батон, кусок масла, сахар и лимон. На плите шипит огромный медный чайник...

Андрею мучительно захотелось есть, он пожалел, что за ужином отказался от второго блюда — гречневой каши с маслом. Чтобы отвлечься, он стал думать о другом.

Искать его все-таки будут, решил он. Но как искать? Когда пурга утихнет, Скачков для очистки совести пошлет двух — трех человек осмотреть пролив, поворчит для виду на капитана шахматной команды Сашку Бровкина — и конец делу. Рабочие, которых пошлют на поиски, наверно, потопчутся в проливе, покурят и вернутся обратно Вот если бы главный инженер пропал, тогда бы все забегали. Андрей представил себе, что произошло бы, если бы в самом деле на его месте оказался Скачков. Пролив бы исходили вдоль и поперек, самолет бы, наверно, вызвали. Кого он ни вспоминал, каждый, по его мнению, кинулся бы разыскивать главного инженера. И Чунда, конечно, пошел бы, у него ноги длинные.

— Подхалимы проклятые!—беззвучно прошептал Андрей, споткнулся и упал вниз лицом, застонал, выругался и с трудом поднялся на ноги.

Не только главного инженера кинулись бы искать сломя голову, продолжал рассуждать он, Сашку Бровкина тоже. Еще бы: секретарь комсомольской организации! У каждого бы нашлись заслуги... А вот его, Андрея, бросили на произвол судьбы...

Обида душила его и даже как будто согревала немного. В конце концов Андрей решил, что сам он ни за что не пошел бы на поиски главного инженера да и других тоже. Этот вывод его несколько утешил, получилось, что он вроде всем отомстил, отвел душу.

Он часто падал, и подниматься становилось все труднее. Как хорошо лежать на боку спиной к ветру!.. Плюнуть бы на все и уснуть — все равно конец один. Но какая-то сила поднимала его и снова гнала вперед все дальше и дальше по снежным волнам, летящим в бесконечную ночную тьму. На ходу он протер глаза и в полумраке различил белесые снежные вихри, — значит, наступил день, если можно назвать днем короткое время суток, когда над тундрой гаснут звезды и тьму сменяют голубовато-серые сумерки.

Ветер едва не вырвал из рук Андрея меховую рукавицу. Он похолодел от страха, крепко сжал рукавицу и, надев ее, облегченно вздохнул.

К ночи ветер стал ослабевать, и Андрей пошел тише, с трудом переставляя ноги. Он дремал на ходу и теперь думал только о том, чтобы не упасть и не заснуть против воли на снегу. Так он брел всю ночь и окончательно выбился из сил. Но и пурга наконец сложила свои жесткие крылья. С унылым однообразием выплывали навстречу Андрею снежные волны, неотличимые одна от другой, и сухо поскрипывали под ногами. Снежная мгла еще висела в воздухе, но сквозь нее уже можно было разглядеть бледное пятно луны.

Андрей никогда не слышал на севере слова «буран» и теперь понял, почему: пурга здесь может быть и в самую ясную погоду — яростный ветер сорвет снежные покровы с тундры и унесет их ввысь. Оттого и снег здесь такой мелкий: всю долгую зиму он кочует по тундре, не находя спокойного места.

Сейчас тундра, залитая голубоватым, холодным светом, была пустынна и молчалива. Ни звуков, ни следов — только снег и снег до самого горизонта. Не верилось, что где-то есть на земле горы, леса и реки, шумные, большие города. Андрею казалось, что он идет по неведомой, необитаемой планете, где для жизни, даже самой примитивной, еще не наступила пора. Да и какая может быть жизнь в этой пустыне, лишенной солнца?

Чувство одиночества охватило Андрея, и он закричал диким голосом, но даже эхо ему не отозвалось. И вдруг в двух шагах от себя он увидел какой-то темный продолговатый предмет. Вздрогнув от неожиданности, он подошел поближе и опустился на колени перед небольшим бревном, по обеим сторонам которого были вбиты деревянные колышки. Он догадался, что это пасть — ловушка для песца, тихо рассмеялся, ласково поглаживая шероховатое бревно и осторожно прикасаясь к колышкам. Здесь был человек, который насторожил ловушку, где-то поблизости рыщут невидимые песцы, — не так уж мертва эта пустыня.

Андрей вытащил из-под бревна приманку — две небольшие рыбешки — и сунул их в карман. Уходить от пасти не хотелось, он пробыл возле нее до темноты. Надежда на спасение, не покидающая человека ни при каких обстоятельствах, окрепла в душе Андрея, и он снова двинулся в путь.

☆ ☆ ☆

Главный инженер порта Скачков после заседания технического совета долго сидел в своем кабинете за огромным столом, опустив тяжелую голову на широкую теплую ладонь. О чем-то надо было ему вспомнить, но его усилия были тщетными.

«Стар становлюсь», — подумал он и стал собираться домой. Не спеша он надел овчинный полушубок, шапку-ушанку, натянул варежки, на минутку задержался у двери.

— Пустяк какой-нибудь, — пробормотал он, успокаивая самого себя

Плотный туман окутал его на крыльце Управления порта, и сразу пришла та мысль, которая так упорно ускользала от него, пока он находился в кабинете.

— Шахматисты на острове!

Он быстро поднялся по лестнице, вошел в кабинет и позвонил по телефону в клуб полярной станции, который здесь называли кают-компанией. Вызвав Бровкина, он спросил у него, как идут дела.

— Я свою партию продул, Константин Георгиевич, но общий счет пока в нашу пользу, — бодро ответил капитан команды.

— Не показывайся мне завтра на глаза... — Скачков помолчал немного и уже другим, обычным голосом добавил: — Оставайтесь на острове. Туман. Утром пришлю машину. Все вы там в сборе?

— Лучинкина нету. Проиграл партию и исчез. Когда? Да часа полтора назад, наверно, уже дома.

Скачков нахмурился.

— Так, так... Выходить с острова категорически запрещаю, понял?

Он позвонил в общежитие, и ему сказали, что Андрей Лучинкин домой не приходил.

Скачков разделся и в течение получаса отдавал распоряжения по телефону. Протяжно, с короткими перерывами заревел гудок на электростанции. Несколько рабочих выкатили со склада две бочки с соляркой, установили их на льду бухты и подожгли. Если Андрей не успел уйти далеко, он заметит в тумане красное зарево.

Трансляция концерта по местному радио неожиданно прервалась, и жители поселка услышали знакомый голос диктора:

— Товарищи полярники! Если кому-нибудь из вас известно местонахождение кочегара Лучинкина Андрея Андреевича, просим срочно сообщить об этом главному инженеру порта.

В кабинете Скачкова собралось человек десять, некоторых он вызвал, другие пришли без приглашения. Они старались угадать, в какую сторону мог уйти Лучинкин. Две собачьи упряжки с опытными каюрами были уже отправлены на розыски. Кто-то принес со склада груду ракет и несколько ракетниц. С острова сообщили, что группа комсомольцев полярной станции, захватив длинную веревку, отправилась осматривать пролив и близлежащие островки. Секретарь партийного бюро порта посоветовал позвонить начальнику промыслово-охотничьей станции, может быть, там есть кто-нибудь из охотников, а лучших следопытов здесь не найти.

Начальник станции ответил кратко:

— Упряжки есть, но выделить не могу ввиду пурги в десять баллов. Не имею права, товарищ Скачков, рисковать жизнью своих подчиненных.

Лицо инженера потемнело, но он не успел ничего сказать: начальник станции положил трубку.

— Поговори ты с ним, — сказал он, тяжело дыша и подвигая телефон к представителю поселкового Совета. — Не имею, говорит, права. Манекен несчастный!

Председатель не стал разговаривать с начальником станции, только попросил его позвать к телефону кого-нибудь из охотников.

— Емельянов? Очень кстати ты здесь оказался. Не один? Четверо? Ну, тем лучше... А дело в том, что пропал у нас один человек, с острова шел, да, видно, проскочил в тумане мимо... Ясно, говоришь?..

Председатель положил трубку, хлопнул в ладоши.

— Через пятнадцать минут четыре упряжки будут здесь.

Они вскоре вошли в кабинет, охотники, одетые в белесые малицы, спокойные, молчаливые. Договорились о маршрутах, забрали ракеты и ракетницы. Инженер, накинув полушубок, вышел с ними на крыльцо.

Пурга бушевала вовсю. Каскады снега с ужасающей скоростью проносились в кругу света мимо электрического фонаря, отскакивали от крыши соседнего дома, исчезая во мраке ночи. Одна за другой скрылись из глаз упряжки. Гудок был едва слышен, хотя до электростанции рукой подать...

Вслед за Скачковым в кабинет вошел Чунда, молча поздоровался со всеми за руку, покосился на карту.

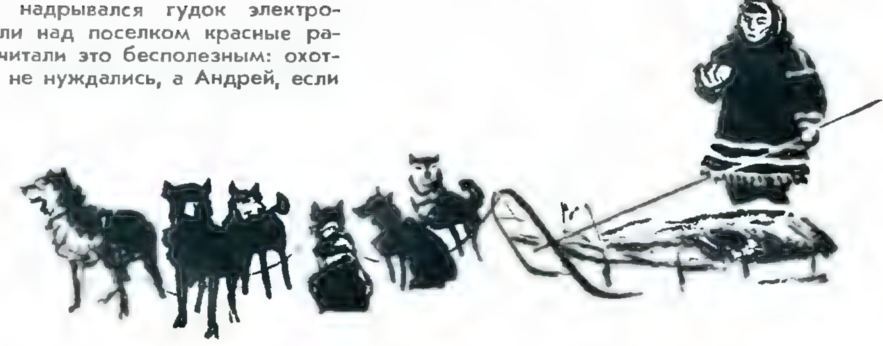
— Проеду на собачках до Больших камней, — сказал он и направился к выходу.

— Подожди, — остановил его Скачков, — возьми ракетницу. Если найдешь нашего шахматиста, пусти зеленую ракету. Даже парочку можно. И если другой кто найдет, даст зеленый сигнал, ты стреляй тоже...

Скачков осунулся и охрип, стал угрюмее, чем обычно. Когда утихла пурга, на розыски был направлен самолет, но безрезультатно: полярная ночь надежно скрывала свою жертву. Синоптики пророчили новую затяжную пургу, уверяли, что она начнется с минуты на минуту.

Скачков приказал прекратить поиски, по радио было передано распоряжение исполкома поселкового Совета, запрещающее полярникам выходить за пределы порта. Последними из тундры пришли шахматисты, связанные одной веревкой, во главе с Сашей Бровкиным. Только упряжки охотников продолжали поиски, ни одна из них не возвращалась.

По-прежнему надрывался гудок электростанции, взлетали над поселком красные ракеты. Многие считали это бесполезным: охотники в сигналах не нуждались, а Андрей, если

и был еще жив, ушел, видимо, слишком далеко...

Чунда ехал вдоль берега, время от времени поднимая к глазам бинокль. Вожак упряжки неожиданно повернул влево, и собаки понеслись вдвое быстрее. Привстав на нартах, Чунда увидел вдали другую упряжку и вскоре с помощью бинокля узнал охотоведа промысловой станции молодого ненца Ялу, который неделю две пробыл где-то на дальних зимовках.

Ялу был без малицы, в синей суконной куртке и меховых брюках. Голова у него была повязана клетчатым шерстяным платком, малица лежала сзади на нартах.

— Что, Ялу, жарко? — спросил Чунда, когда упряжки остановились метрах в пяти одна от другой.

Охотовед подошел к Чунде, крепко пожал руку ему, взял предложенную папироску и ответил, указав пальцем на малицу:

— Человека нашел.

— Хорошо, — сказал Чунда. — Где нашел?

— У Больших камней ползал, скоро бы пропал, наверно. В больницу везу.

— Андрейка это, наш кочегар, мы его ищем.

Чунда подошел к нартам, осторожно откинул капюшон малицы и широко улыбнулся, разглядев бледное лицо Андрея. Зарядив ракетницу, он подал ее Ялу:

— Стреляй!

Яркий зеленый шарик взвился над тундрой и рассыпался на сверкающие искры, которые опускались плавно и торжественно.

— Ай, красиво! — воскликнул Ялу, сдвинув платок на затылок.

Чунда перезарядил ракетницу.

— Пускай вторую, уговор есть.

Снова яркие огоньки засверкали в вышине, а через минуту вдали, ближе к поселку, в разных местах одна за другой вспыхнули зеленые точки, похожие на падающие звезды.

Ялу заботливо поправил малицу, обошел нарты со всех сторон, на всякий случай привязал к ним Андрея ремнями. Собаки топтались на месте и сердито повизгивали, готовые к драке, но властные оклики хозяев охладили их пыл.

— Поехали, Ялу, — сказал Чунда, — пурга близко.

— Едем, друг, голова мерзнет, — ответил Ялу, усаживаясь на нарты.

«ЛОВЦЫ» КОСМИЧЕСКИХ ЛУЧЕЙ

23 февраля 1956 года, в тринадцать часов по местному времени, в Якутии, как и на всей освещенной солнцем части земного шара, прекратилась радиосвязь, а в атмосфере на высоте 16—18 километров на десять градусов потеплел воздух.

Что же случилось в атмосфере?

Как установили ученые, произошла исключительно большая вспышка интенсивности космических лучей и возмущение ионосферы, вызванные небывалым по силе хромосферным взрывом на Солнце.

Космические лучи долгое время были загадкой для науки. И только сравнительно недавно физики, вооружившись новыми точными приборами и сложными аппаратами, получили ценные сведения об этих вестниках загадочных процессов, происходящих в космосе. Над разрешением этих вопросов вместе с другими учеными трудятся и физики Якутского филиала Академии наук СССР.

В Якутске создана первая в нашей стране станция для непрерывной регистрации космических лучей. Интересна история ее рождения.

Американский институт Карнеги отказался продать Советскому Союзу прибор Комптона, предназначенный для непрерывных измерений космических лучей, и представить о нем подробную техническую информацию. И вот в 1947 году под руководством московского профессора С. Н. Вернова и при участии заведующего Лабораторией космических лучей кандидата физико-математических наук Ю. Г. Шафера, научного сотрудника Московского университета Н. Л. Григорова и механика-конструктора А. С. Муратова было начато создание отечественного, очень точного регистратора. За короткий срок он был сконструирован и изготовлен.

Вот он стоит в кабине, в которой, как в гигантском термосе, поддерживается определенная температура. На высоких металлических ногах укреплен большой, похожий на огромный серебристый глобус прибор. Внутри него, под наружной оболочкой, находится стальной шар — ионизационная камера «АСК-1», наполненная сжатым газом — аргоном. Этот прибор измеряет интенсивность потока космических лучей автоматически. Только раз в месяц меняется фотопленка в регистраторе.

В Якутской лаборатории космических лучей можно познакомиться и с другими новыми приборами и их создателями.

Вот оригинальная установка, регистрирующая ливни космических лучей. Она сконструирована младшим научным сотрудником, сыном потомственного якута-охотника, Д. Д. Красильниковым. К началу Международного геофизического года молодой ученый создаст новую, более эффективную установку.

...На глубине 35 метров, в толще вечной мерзлоты, еще один «цех» станции. Здесь младший научный сотрудник Ариан Ильич Кузьмин с помощью своего прибора ведет непрерывные исследования изменений потока космических лучей, достигающих глубокого подземелья. Это дает возможность получить сведения о колебаниях температуры верхних слоев атмосферы и о явлениях, связанных с происхождением космических лучей.

К исследованиям якутских физиков проявляют интерес ученые Индии, Польши, Италии, США и других стран.

К началу Международного геофизического года якутские физики должны организовать станцию космических лучей на берегу моря Лаптевых и в бухте Тикси. Им поручается также создание двух станций в Китайской Народной Республике.

Е. ВИЛЛАХОВ

Старший лаборант Н. Ефимов у ионизационной камеры «АСК-1».
Фото Р. Ильина.

В тайге выросли новые дома.

Урман отступает

Павел МАНУЙЛОВ

Фото автора.

На берегу Назыма мы разожгли костер. Голубой дым поднимается до вершин кедров, а потом рассеивается и серым облаком тянется над тайгой.

Тихо на реке. Солнце закатилось, но на горизонте оно оставило неугасимую зарю. Ночь такая светлая, что можно читать.

Дремучий лес — урман — вплотную подходит к берегам реки. Неумолчно поют в лесу птицы. На озере, недалеко от реки, гортанно перекликнулись лебеди, чуть дальше торжественно закурлыкали журавли.

— Полночь трубят! — заметил Алексей Синарбин, сухощавый, высокий старик, с которым мы поднимаемся в долбленой лодке вверх по Назыму.

— Красиво на реке!

— Назым — младший сын Оби. А все молодое красиво,— отвечает старик.

Он помолчал, послушал песни птиц, посмотрел на пламя зари и добавил:

— Весной здесь еще получше. По берегам черемуха цветет. Бывал я на Оби, кочевал в тымской тайге, но привольней назымской тайги нет ничего. Люблю Назым!

— Когда в Новом Назыме будем?

— Еще два костра разведем, а там и поселок.

Потрескивают на огне сучья, синий дымок вьется над костром. Покуривая трубку, старик неторопливо рассказывает мне о жизни хантов в прошлом, о своей судьбе.

Десять лет пас он оленей у кулака в тымской тайге. А потом бродил, охотился. Жил одиноко. В летнюю пору строил шалаши на берегах рек, питался рыбой. Одежду шил из шкур диких животных. Зимой временное жилье Синарбин устраивал там, где промышлял пушных зверей. А промышлял он в глухой тайге по Имгыту и Таранбалу.

Когда вскрывались реки, Синарбин садился в лодку и спускался вниз — в русские села. Скупщикам сдавал пушнину, покупал соль, снаряжение и опять возвращался в урман.

— Так я жил, так жили таежные ханты,— тихо говорит Синарбин.— На реку Назым я прикочевал, когда мне один охотник сказал: «Царя сбросили с высокого стола. Сам народ теперь у власти. Хантам полегче станет жить». Думаю, надо ехать поближе к людям. Пришел в устье Итьяха и построил себе юрту. Добрую жену нашел, двух сыновей она мне родила. Славные охотники выросли. В колхоз вступил. Колхозники жили, как и я, в юртах по Итьяху и на берегу озера Пыжьян. Большое озеро. Наши юрты стояли друг от друга километров на двадцать, а то и больше. Худо, парень, так было жить. Вот и стали думать: как получше жить? Решили переселиться на реку Назым. Да ты был на первом собрании. Помнишь? Шибко шумели.

Древний старик Синарбин вспоминает прошлое своего народа, подробно рассказывает о том, как они, ханты, строили поселок.

...В один из весенних дней 1951 года у юрты председателя колхоза Даниила Аликова собрались колхозники. Они прибыли с женами и детьми. Пожилые люди сидели в тени, под деревьями, курили трубки и тихо беседовали. Женщины в праздничных, цветастых платьях образовали свой кружок и что-то оживленно обсуждали. Молодежь окружила учительницу, стройную девушку с загорелым лицом, сероглазую, с тонкими бровями, будто вышитыми черными нитками. Дети шумели на берегу реки.

Зверовод Николай Синтепов, вихрастый парень лет восемнадцати, вынес из дому стол, два стула и поставил под деревьями.

— Люди, давайте поговорим,— сказал Аликов и занял за столом место председателя.— Николай!— крикнул он Синтепову.— Будешь записывать.

Колхозники подошли поближе к столу и разместились на лужайке.

— Дело у нас важное! — крикливо говорил Аликов.— Зовемся колхозом, а одни живут тут, другие — за пятьдесят километров. Надо послать людей на рыбалку — гони лодку по юртам и собирай рыбаков. В школу детей — опять собирай. Ладно ли живем?..

— Я бывал на Оби. Там ханты богаче нас живут,— перебил председателя Кирилл Харантеев, пожилой человек с копной седых волос на голове.

— А почему? — спросил Аликов.— В одной деревне живут. У них давно дома. Только у нас, таежных хантов, юрты. И нам надо строить поселок. Государство помогает деньгами. Восемь тысяч рублей отпускает на каждый дом.

— Вместе жить? Славно ли будет? — спросила вдова Катерина Мытрина.

— На берегу Назыма и будем строить дома. Место доброе. Как вы скажете?

— Я скажу! — крикнула Катерина.— Где я денег столько возьму? Да зачем мне дом? У меня юрта теплая.

Колхозная тоня при впадении Назыма в Обь.

— Я говорил: деньги на дом дает государство, — разъяснял Аликов.

— Хант не любит шумную жизнь. Мой отец был в юрте. И я буду жить в юрте, — заговорил, перебив председателя, Михаил Лязямов. Был он в домотканной холщовой рубахе, без пояса. Волосы у него не причесаны, а на затылке торчала маленькая косичка, как у девочки-подростка. Колхозники чаще звали его Михаил-с-косичкой.

— Кто выдумал дома? — выкрикивал Лязямов.— У них большие окна. Как озера. Зимой померзнем. Не согласен! Я шум не люблю.

— Ты спать любишь? — рассмеялись колхозники.

— И строить не умеем,— поддержала Лязямова Катерина.— Зачем мне дом? Урман — вот наш дом. Не согласна!

Попросил слово Павел Молданов, красивый человек лет тридцати пяти, со смуглым лицом, на котором искрились черные глаза под строгими бровями. На нем была гимнастерка, на груди орден «Славы».

— Худой ум у Лязямова, худой ум у Катерины: как нам наладить жизнь, если не сселимся? Один живет на Итьяхе, а другой на Пыжьяне. Голоса друг друга не слышим. У нас дети растут — школу надо. На Оби нет хантов с косичками. Михаил Лязямов все еще носит косичку. Звали его в школу взрослых, помните, а он не пошел. Теперь зовем в поселок, а он отнекивается.

Собрание закончилось вечером. Колхозники решили: сселиться, строить дома на берегу Назыма.

Николай Синтепов позвал людей, и них поочередно подписались под своим решением. Михаил Лязямов вместо подписи (он был неграмотным) нарисовал соболя — родовой знак. Но переезжать в поселок Лязямов и вдова Катерина все-таки не пожелали.

Бригада лесорубов пошла в тайгу и стала валить сосны. Начали строить школу. Рядом со школой строились дома.

Кирилл Харантеев и Алексей Артямов приходили на стройку рано. Они будили подручных и приступали к работе. Старые плотники обучали своему ремеслу молодежь.

Осенью пятнадцать колхозников переехали в новые дома. Не сразу новоселы освоились. Долго печи в домах оставались холодными. Пищу, как и прежде, готовили на костре. Учительница ходила из дома в дом и учила женщин, как разжечь огонь в печке. А когда задымили трубы над домами, в тот день новоселы сказали: «Хорошо жить в светлом доме!»

Зимой в новый поселок приехала агроном Вера Косачева. Она поместилась в маленькой избушке. Обошла жителей поселка и объявила: «Буду учить сажать картошку, приходите».

Косачева организовала агрокружок. В него записалось шесть человек. Собирались вечерами. Затаив дыхание, слушали агронома Женя Молданова и Вера Нганы — девушки-подростки, ни разу в жизни не видевшие еще клубней картофеля. Приезжал в поселок и Михаил Лязямов, заходил к агроному. Он побывал в колхозах на Оби, узнал вкус картофеля и решил завести огород.

Один за другим таежники покидали юрты и переезжали в новый поселок. Отказалась от дома только Катерина Мытрина. Она с сыновьями на трех лодках откочевала в глухую тайгу.

— В урмане буду жить! — кричала она.— Дети похоронят меня в тайге, а в поселок не поеду.

— Катерина, вернись к людям,— пробовал образумить ее Павел Молданов.— Все равно приедешь в Назым.

— Мои тропы в урмане.

А Михаил Лязямов уже уговаривал Кирилла Харантеева.

— Я много думал. Строй мне дом. Что же я один останусь в юрте? Тебя Советская власть не похвалит, если будешь медлить. Я и жене сказал: «Будем жить в доме с большими окнами».

— Ты умный, Михаил. Заживешь в хорошем доме.

— Правда, я умный. Меня еще узнают. Я, знаешь, добытчик! — похваливал себя Лязямов.

* * *

...Тихо плывет лодка. Назым течет таежными дебрями. Здесь, далеко от устья, кажется, что кедры выше, пихты стройнее.

Мы встречаем на реке рыбаков. Бегают катеры. Они везут в далекие селения товары. Синарбин добродушно улыбается, здоровается со встречными. Он всех знает, ему на реке все приятели.

...Вечером мы приехали в поселок Новый Назым.

От дома Павла Молданова, что стоит на берегу, протянулась в глубь леса целая улица. Вот новое здание больницы, недалеко от нее школа, клуб, магазин, а на окраине поселка баня. Все это сейчас стало обычным в быту жителей тайги, хотя сорок лет назад в Березовском и Сургутском округах, в этом огромном крае, было лишь два врача и восемь фельдшеров. До революции на народное образование тратилось на человека... 44 копейки в год.

Оживленно в поселке. Колхозницы на огороде окучивают картофель. Тут же мы застали Женю Молданову. Она показывает женщинам, как правильно окучивать куст картошки. Картофель сейчас посажен по всем правилам, а ведь бывало так: сделает женщина бугорок из земли и на вершине его воткнет картошку — расти, мол, как следует.

— Трактор колхозу нужен. Трудненько корчевать тайгу,— говорит новый председатель колхоза Федор Иванович Типсин.— Ведь картофель, овощи — подспорье в питании колхозников. Конечно, мы будем развивать рыболовство и охоту. Занимаемся и звероводством. У нас на ферме черно-серебристых лисиц пятьдесят самок. Нынче ферма принесет немалый доход. Но мы думаем тайгу обогащать новыми видами пушных зверей. Просим завезти к нам баргузинских соболей. Угодья-то прекрасные! Старики предложили зарыбить наши озера ценными породами рыб. Главным образом мы добываем рыбу в устье Назыма и на Оби. Но ведь у нас много озер, где может водиться сазан.

В комнату вошел Кирилл Харантеев. Он был без шапки, и его седые волосы отливали серебром.

— Пойдем, председатель, посмотрим лодку,— предложил Харантеев.

— Что скажешь, если наша бригада сделает десятка два вот таких? — указывая на лодку, спросил Харантеев.

Типсин внимательно осмотрел бударку.

— Дельное предложение. Колхозы покупают лодки в Тобольске, а мы предложим им получше. Можно наладить производство бударок: лес рядом, мастера свои.

К нам подошел Павел Молданов. Послушал, послушал и вступил в разговор:

— Наши люди стали лучше жить. В прошлом году на трудодень получили по 7 рублей 20 копеек. Да картофель, да овощи. Рыбы у нас немало. Хозяйство растет! Но вот с промыслом пушных зверей не справились. Загадывали избушки в тайге поставить, да не смогли. По правде сказать, плохо с промыслом. Надо ошибку исправлять!

Он рассуждал по-хозяйски. Верно, промысел в колхозе не организован. Пушных зверей добывают вблизи поселка. Далекие угодья, богатые зверем, охотники не посещают. Заготовка беличьих шкурок сократилась в четыре раза. Мало добывается горностаев, красных лисиц.

Поздно вечером мы сидели с Типсиным на крыльце дома. Внизу тихо струился Назым. Белый свет ночи разлился над тайгой. Звонко, разноголосо пели птицы в лесу.

— Помаленьку хозяйство налаживаем,— говорил Федор Иванович.— Электростанцию пустим.

Типсин усмехнулся какой-то своей мысли и продолжал:

— А Лязямов-то косичку свою отрезал: мешала она ему в новом доме. Сейчас оленей пасет. Хороший пастух!

Долго на берегу Назыма сидели мы с Федором Типсиным, новым председателем колхоза.

О том, что стало с прежним председателем, Аликовым, спрашивать у Типсина было неловко. Но спустя несколько дней, когда я уже прощался с Синарбиным, он мне сказал:

— Аликов оленей пасет. Был председателем, голову занес выше кедров. Выпивал мужик. На собрании колхозники ему сказали: «Ты, Аликов, шибко заносчивый стал. Водку пьешь. У пьяных руки длинные, как бы до кассы не дотянулись. Поработай пастухом». И сняли. Федора Типсина председателем выбрали.

Немного помолчал Синарбин, пока набивал трубку табаком, и еще добавил:

— Видел Катерину. Она говорит: «Худо жить в урмане». Внуки подросли, и сыновья ей сказали: «Надо ребятишек учить». Сыновья у нее добрые охотники. Только голова худая у Катерины: плохую тропу сыновьям выбрала. Горюет старуха. Я ей сказал: люди тебя ждут в Новом Назыме.

Я уехал из Нового Назыма, радуясь за судьбу тружеников тайги. А недавно получил письмо из далекой назымской тайги. «Электростанция работает прекрасно,— пишут новоназымовцы.— В каждом колхозном домике горит лампочка Ильича. Колхоз приобрел пилораму, купил катер с железным корпусом за 24 тысячи рублей и три моторные лодки. Где бы нам купить машину-вездеход? На ней бы мы проникли в глубь тайги, на рыбные озера».

Добрые вести приходят из назымской тайги!

Дети рыбаков из поселка Новый Назым.

Море

Григорий ЧИНКОВ

Темное море
Шумит предо мною,
В берег извилистый
Плещет волною.

Я, как мальчишка,
Взобрался на камень,
В даль необъятную
Впился глазами.

Свесились низко
Свинцовые тучи.
Ветер их рвет
О прибрежные кручи.

Сильной волне
Хорошо на просторе...
Как я люблю тебя,
Темное море!

Перевел с эвенкийского Павел КУСТОВ.

С океана налетела пурга...

Цветы Заполярья

Город наступает на тундру.

В плавильном цехе.

ЗА 69-Й ПАРАЛЛ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото автора.

Северное сияние тускнеет, а с обледенелой земли поднимаются живые, веселые огни, заполняют склоны лобастых гор и всхолмленную тундру. Яростное пламя рвется из плавильных цехов, багровое зарево поднимается над шлакоотвалом, где из черных ковшей льются огненные струи. Под крылом самолета мелькают высоченные заводские трубы, опоясанные алыми «противосамолетными» фонарями, огни шахт, рудников, заводов.

— Норильск! — объявляет пилот Белоусов.

Нам повезло. В Норильске «всего» сорок два градуса мороза. Вот на той неделе, рассказывают, действительно помучили холода...

Первая встреча дает первое представление о сегодняшних норильчанах. В 1955 году сержант Владимир Пильноватых, водитель нашей машины, отслужил в армии и прямо поехал в Норильск: уж очень звал его на «край земли» брат Георгий — летчик.

— Вдвоем занимаемся извозом: один в небе, другой на земле, — шутит Владимир.

Машина идет по хорошо укатанной дороге. Особой конструкции ветродувные щиты и заборы заставляют неистовые ветры тундры работать на человека: они счищают с дорог снежные заносы. Заборы могут задерживать более трех тысяч кубических метров снега на метр, но есть такие места, где даже щелевые стены во весь свой многоэтажный рост погребены в сугробах.

...Более двадцати лет назад впервые увидел я мертвую и голую тундру там, где ныне за 69-й параллелью вырос Норильск. Позже видел я первые его дома и улицы, видел, как пускали первые заводы. Где же они, серо-ржавые топи, подступавшие к первым домам Горстроя? На месте болот поднялись величественные архитектурные ансамбли. Где узкие тропки, прорезавшие тундру? Вместо них пролегли улицы, широкие и прямые проспекты. Как-то здесь полярной ночью, в пургу, схватившись за руки, держась за веревки, пробирались мы на промышленную площадку. Ветер валил с ног, мороз слепил и спирал дыхание. Только красные фонарики-маячки на высоких металлических фонарных мачтах напоминают теперь о старых путях; машины мчатся по бетону и асфальту, и красные лампочки-маячки помогают водителям в бурю и туманы находить дорогу.

Или вот этот дом на Мончегорской улице, где жил я в ту пору. Все стало иным: в квартире появилась ванная, в доме водопровод, канализация, есть электричество и радио, телефон. Из окон, выходивших прежде в открытую ветрам тундру, видишь не всхолмленную мрачную равнину с плоско срезанными синеватыми вершинами Путораны, а дома, оживленные улицы, каток на площади, лес башенных кранов и, конечно, трубы.

Е. С. Лаптукова.

Нахожу старого знакомого — ныне заместителя председателя городского Совета Владимира Андреевича Елисеева—и с ним отправляюсь в своеобразное путешествие по Норильску. Да, город так широко и привольно раскинулся среди тундр у подножия горы Шмидта и Зуб-горы, что по нему и впрямь можно совершать экскурсии. Машина вливается в шумный уличный поток, и мы движемся по Октябрьской площади мимо памятника Ленину, по Гвардейской площади, охваченной высокими, поставленными полукружием зданиями, по проспекту имени Орджоникидзе, по Комсомольской улице.

— Посмотрите на это восьмиэтажное здание, — обращается Елисеев, — это Горнометаллургический техникум. На его дневном и вечернем отделениях учится более полутора тысяч студентов. Техникум выпустил уже 1 698 специалистов. А это музыкальная школа. В ней учатся сто семьдесят ребят. Любопытно: на пятьдесят вакантных мест было подано шестьсот заявлений. Сейчас мы открыли четырехгодичную вечернюю музыкальную школу. А это техническая библиотека. Всего у нас, в Норильске, двадцать библиотек с общим фондом в шестьсот тысяч томов. А это, — Елисеев показывает на новое здание, — двухзальный кинотеатр «Родина» на четыреста сорок мест. Сорок два киноаппарата стрекочут по вечерам в городе. Фильмы мы получаем первым экраном, прямо с копировальной новосибирской фабрики. А это...

Слышатся новые пояснения: Дом пионеров, школы, магазин книготорга, универмаг, «Гастроном», ресторан, главный почтамт, театр, машинно-счетная станция. Вот дома новоселов, а это строительные площадки.

Башенные краны поднимают в небо сборные железобетонные блоки. За ними, в снежной тундре, едва видны фигурки геодезистов; они выбирают место для строительства заполярного телевизионного центра. Недалеко время, когда над городом взметнется стосемидесятиметровая стальная телебашня.

Елисеев принадлежит к числу тех неуемных советских людей, которые по призыву партии еще юношами отправлялись осваивать далекие земли Родины. Владимир Андреевич родился в Починках, Арзамасской области, а потом уехал преподавать на Дальний Восток. Затем служба в армии; вернулся домой, учился в Арзамасском учительском институте и в августе 1939 года вместе с женой Верой Георгиевной, тоже учительницей, и сыном Вадимом прибыл в Норильск. В первую норильскую школу ходили втроем — сын слушал на уроках мать, а отец ведал учебной частью. В Норильске родилась дочка Таня. Но вот началась война. Елисеев добровольцем ушел на фронт. Батарея офицера Елисеева громила врага под Ленинградом и на Волхове. В тяжелых боях майор был опасно ранен и эвакуирован в Норильск. Теперь он дедушка: Вадим окончил Московский институт имени М. И. Калинина и с женой Луизой, окончившей химический факультет МГУ, вернулся в Норильск. У них есть сын Никита, внук Владимира Андреевича.

— Была одна школа, а теперь двадцать одна, и учится в них более восьми тысяч ребят! — восклицает Елисеев. — Мы всей семьей так полюбили город, его звезды, шахты, школы, что даже мысли нет уезжать, покинуть Заполярье.

В плавильном цехе никелевого завода багровеют горловины шахтных печей. Тучи искр взлетают над конвертерами. Заиндевелые паровозы, окутанные клубами дыма и пара, входят в цех с массивными ковшами. Следом за локомотивами врывается косматая пурга.

Высокие, кряжистые, в черных, прожженных искрами куртках ма-

Пролет электролитного цеха.

...ЕЛЬЮ

...стера молча ведут плавку. Здесь много заполярных металлургов. Вот награжденный за выслугу лет орденом Ленина В. С. Смирнов, сменный мастер М. М. Кракузин, Г. Е. Ковшиков. Все они почетные металлурги, рабочая гвардия высоких широт. Кракузин делится радостью: сын его Александр окончил Норильский горнометаллургический техникум и работает на заводе.

В конторку входит запорошенный снегом, с сосульками на бровях секретарь парткома завода Николай Иванович Шапоренко.

— Метеостанция предупредила: идет черная пурга, — объявляет Шапоренко. — Всем быть на местах!

Из глубин тундры, с просторов Ледовитого океана налетает снежная буря. Ее называют на Таймыре черной пургой. С воем, ревом и свистом обрушивается снежный ураган. Схлестываясь, высекая зеленые искры, бьются электрические провода. Паровозы задыхаются и не могут войти в цех. На каждую стрелку ставят по два стрелочника, но и они едва осиливают ветер.

Полная волнений, проходит ночь. Жестокая стихия не смяла упорных в борьбе норильчан. На рассвете зазвучало по радио обращение городского комитета партии и городского Совета ко всем рабочим, инженерам и служащим, ко всему Норильску: шахтерам и рудокопам оставаться на местах, пока сквозь заносы пробьется новая смена, энергетикам нести вахту у котлов и турбин, железнодорожникам расчищать пути и вести электровозы, металлургам пускать плавильные печи.

Поднялся трудовой люд: бесстрашные монтеры полезли на столбы и мачты восстанавливать оборванные электрические провода; бульдозеристы направили десятки мощных тракторов с поперечными стальными ножами на сугробы; спасательные группы вышли в тундру искать заблудившихся. И там, где погасли огни, вспыхнули лампы, ожили цехи. Тронулись электровозы с эшелонами руды и угля. Снова загудели конвертеры, и краны понесли налитые бело-красным металлом ковши.

Лишь на сорок четвертом году жизни ненка Евдокия Сергеевна Лаптукова покинула грязный, продымленный балаган в Курье и поехала на собачьей упряжке в Дудинку учиться грамоте. Пожилая женщина, мать двенадцати детей увидела книги. Перед ней, женщиной тундры, открылся светлый мир большой новой жизни.

В тундру Таймыра Лаптукова вернулась хозяйкой красного чума: она приехала в Курью учить близких, бороться с невежественными и злыми шаманами и кулаками. Долго ей пришлось внушать мужу, что нужно всей семьей вступать в колхоз. Он возражал, упорствовал, и в семье произошел раскол. Погоревала Евдокия Сергеевна, но ничто уже не могло остановить ее. Лаптукова организовала в родных местах колхоз имени М. И. Калинина, научила молодежь грамоте и все-таки заставила своего строптивого мужа поверить в силу колхозного строя.

Первой среди ненок Лаптукова вступила в Коммунистическую партию. Первой поехала она на стройку Норильска, когда в тундре послышались удары топоров и грохот машин.

Теперь Евдокии Сергеевне 65 лет, голова ее в серебре, получила она по новому Закону пенсию в 980 рублей и ушла, по совету врачей, на покой. Но разве может успокоиться активная женщина, влюбленная в жизнь? Лаптукова идет к пионерам, к новоселам, идет на агитпункты, рассказывает молодежи о жизни на земле своих отцов.

По соседству с Е. С. Лаптуковой, в громадном доме, в квартире № 160, живет ее однофамилица, бывшая печатница норильской типографии, по национальности долганка, Аня Лаптукова. Я хорошо помню день, когда из тундры на оленях привезли встревоженную черноглазую девочку, как ее родичи опасливо смотрели на машины, трогали руками электрические лампочки, желая познать, что горит за стеклом. После кочевок на оленьих аргишах, после костров и стойбищ нелегко было девочке привыкать к шуму машин, запахам краски, строгому ритму работы. В типографии у Ани нашлось много друзей; ей помогли, научили работать; девочка полюбила технику, и после шести лет труда в типографии захотелось ей учиться в Горнометаллургическом техникуме. И вот она окончила техникум. Бывшая печатница стала флотатором на большой обогатительной фабрике.

В Норильске Аня вышла замуж; в техникуме она познакомилась со студентом Георгием Велихоцким, и с ним, геологом, работает в комбинате, растит детей: Сережу и Наташу.

Покидаешь ярко освещенный город — и тебя охватывает тьма полярной ночи: исчезают дороги и тропы. И вдруг во мгле показываются матово-светлые полосы, будто снег изнутри подсвечен сильными лампами. Перед нами стеклянные кровли парников и оранжерей.

Кажется, входишь внутрь снежной горы: оранжерея слепит ярким и сильным светом трубчатых ламп дневного света, грушевидными «зеркалками». В оранжерее тепло, тут забываешь о полярном холоде и глухой ночи. Вдыхаешь аромат роз, с наслаждением смотришь на яркие канны и стрельчатые ветви пальм, на пышные хризантемы и колючие кактусы.

— В оранжереях заполярного совхоза выращивается пятьдесят видов цветов, — сообщает главный агроном совхоза М. М. Нестеренко. — Ежегодно у нас покупают цветов более чем на сто тысяч рублей. Но мы выращиваем не только цветы. В совхозе более шести тысяч квадратных метров теплиц и сто парниковых рам. По масштабам возделывания закрытого грунта вряд ли есть равные совхозы в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке. Норильчане получают огурцы, капусту, лук, помидоры.

— В этом году у нас два юбилея: пятнадцатилетие празднует никелевый завод, и двадцать лет исполняется городу, — говорит директор Норильского горнометаллургического комбината Алексей Борисович Логинов. — Город и завод молоды, но история их полна важных событий. В годы Отечественной войны Норильск давал фронту никель для производства брони танков и самолетов. Специальные авиационные эскадрильи вывозили зимой на оборонные заводы никель. Теперь наш металл идет для мирных целей, спрос на него возрастает с каждым годом, и норильчане прилагают все усилия, чтобы в возможно больших количествах давать стране никель, медь, уголь.

Я помню А. Б. Логинова молодым инженером. В Норильске постигал он премудрости цветной металлургии и горного дела, а ныне он руководит гигантом заполярной индустрии.

Такой же путь прошел и заместитель директора комбината по строительству Сергей Петрович Агафонов. Сидит он рядом с А. Б. Логиновым и рассказывает об огромных объемах строительства: о создании завода железобетонных изделий, ячеистого бетона, сухой штукатурки, искусственного песка, о поточных методах на стройках.

— Неоценимую помощь нам оказали новоселы, — говорит Агафонов.

По призыву партии в Норильск приехали бывшие воины Советской Армии, комсомольцы, молодые рабочие Москвы, Ленинграда, Красноярска, Горького и многих других городов. Новоселов встретили тепло: им отдали лучшие дома на Комсомольской улице, здания некоторых управлений и контор на Октябрьском проспекте, создали для них курсы, организовали бригадное и индивидуальное обучение, а затем направили на строительные площадки, в забои, в цехи и геологические партии.

Жизнь молодого человека Николая Рулева позволяет в какой-то мере представить облик тех, кто прибыл в Заполярье. Рулев был танкистом, затем попал на «Серп и молот», где стал формовщиком. А когда партия призвала молодежь ехать на Север, осваивать природные богатства Заполярья, юноша поехал в Норильск. Уже здесь «сыграл» свадьбу и теперь вместе с женой Верой Михалевой работает на стройке.

— Я не один, — улыбается Рулев. — Александр Монахов тоже женился; Нина работает штукатуром, Саша — вальцовщиком. Анатолий Журавлев женился на Гале; он шофер, она землекоп. Я так думаю, — замечает Рулев, — если мы, новоселы, обзаводимся семьями, значит, решили всерьез и надолго обосноваться на Севере.

На чукотском побережье

Хабаровский художник Василий Евгеньевич Романов, побывав на чукотском побережье, многие свои работы посвятил этому далекому краю.

Вот почтальон в пути. Он спешит доставить в поселок газеты и журналы. Упряжка собак легко преодолевает снежные кручи.

Вот охотники тянут через торосы вельбот, чтобы добраться до открытой воды. Один из охотников моторо-зверобойной станции охотно позирует художнику. Или другой рисунок: начало трудового дня на моторо-зверобойной станции поселка Уэллен.

Много таких зарисовок, сделанных на Чукотке, помогли В. Е. Романову создать большую серию рисунков и ряд живописных полотен на темы Севера.

Охотник моторо-зверобойной станции.

Переправа вельбота к открытой воде.

Таежная НЕФТЬ

С. ОСИПОВ

Ухта сегодняшняя — город, возникший в тайге так быстро, что происходило это на памяти нынешних десятиклассников.

Город уютно расположился в долине, пересеченной извилистой рекой Ухтой. Его окружают холмы, поросшие густыми хвойными лесами. Широкие, прямые улицы ведут к центру, где стоит строгое монументальное здание Дворца культуры.

Ухтинская нефть поднимается из недр земли не только по обычным скважинам. На Ярегском месторождении построены самые мощные в стране нефтяные шахты. Тяжелая шахтная нефть богата мазутом, ценными битумами и редкими смазочными маслами, не замерзающими при низких температурах. Сотни тонн этой нефти отправляются отсюда за сутки.

Все дальше в бездорожье углубляются промыслы. Вместе с нефтяниками продвигаются и строители дорог, без которых в тайге и шагу не сделаешь.

В 1775 году архангельский купец Федор Прядунов построил на Ухте первый нефтеперегонный заводик. Берестяным ковшом рабочие черпали нефть из бьющего ключа, добывая около 40 пудов в год.

Сейчас здесь стоит большой завод, оснащенный современной техникой нефтепереработки.

Попутно с нефтью в последние годы советские геологи открыли в Ухте богатейшие газовые месторождения. Можно сказать, что газ здесь пока обогнал нефть. Больше половины ценнейшей для резиновой промышленности сажи производят на ухтинском газе крупные сажевые заводы.

Неустанные труды геологов увенчались серьезным успехом в прошлом году. Ими открыто и разведано Верхне-Печорское месторождение, содержащее десятки миллиардов кубометров газа. На промыслах одна за другой закладываются глубокие скважины и без промедления строятся рабочие городки, прокладываются электрические линии. В недалеком будущем газопровод протянется отсюда до Урала. В глухом заснеженном лесу, где кончается 230-й километр нового тракта Ухта — Джебол, уже стоят десятки щитовых домиков.

Сейчас в Джеболе не одна готовая скважина. Бригада бурового мастера И. Лешкова, закончив 11-ю буровую, готовится начать строительство следующей.

Как и в любом городе, большом или маленьком, так и в вечернем Джеболе на его безымянных еще улицах можно увидеть эту картинку.

КАК СТАНОВЯТСЯ СЕВЕРЯНАМИ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Если, не доезжая Кандалакши, сойти с поезда на маленькой станции Полярный круг и отправиться бродяжить по сопкам и вдоль берегов озер, то можно увидеть край строгой и своеобычной красоты. Сквозь заросли мелкого березняка белой кипенью сверкают буйные, порожистые речки. Бесчисленные островки темно-зелеными хвойными шапками поднимаются из озерных глубин. А на склонах сопок стоит царственный ягельный бор. В таком бору всегда светло — и от устилающего землю оленьего мха — ягеля и потому, что благородные стройные сосны высоко вздымают свои пушистые кроны, не затеняя лесного пространства. Когда ягельным бором идет человек, его издалека видно.

...Девушка по имени Валентина, дочь рабочего и работницы лесоучастка, выросла в этих суровых и поэтических местах. Любила она с подругами, собирая морошку и бруснику, забираться далеко-далеко. Ловко управляла лодкой, переправляясь с одного островка на другой. Помогала рабочим на трелевке леса. Умела она и лихо сплясать. Гармонист в клубе лесоучастка, когда молодежь собиралась на танцы, всегда ставил условие: «Если Валя спляшет «Сербияночку», я играть буду, а нет — не просите»...

Нравилась она не только гармонисту, многим рыбакам и лесорубам, но случилось так, что судьба связала ее с человеком, родившимся совсем в другом конце страны. Однако расскажем все по порядку.

После школы начала она работать на почте. Знаете ли вы, что такое поселковое почтовое отделение на Крайнем Севере? Валентине приходилось самой ездить на станцию за письмами, самой сортировать их и самой развозить по населенным пунктам увесистые, по пятьдесят килограммов в каждом, кожаные баулы с почтой. Иной раз не успевала к поезду, и тогда в ожидании следующего разжигала костер, коротала ночь, подложив под себя баулы. Случалось ей и на открытой дрезине, с наганом, тяжело отвисавшим на поясе, везти опечатанные сургучом мешки и разыскивать адресатов в крохотных, разбросанных в лесотундре поселках.

Однажды, получив в отдаленном пункте вблизи советско-финской границы мешки с корреспонденцией, она стояла на перекрестке дорог, надеясь на попутную машину. Показался грузовик, в кузове сидели двое военных в плащах и зеленых фуражках, поставив между колен винтовки. Неуверенно подняла она руку. «А вам куда, девушка?» Валя ответила: «По дороге...» «А что это у вас?» «Почта». «Так тут же килограммов сто, как вы на себе таскаете?» С этими словами один из военных (Валентине с первого взгляда запомнились крупные губы, улыбчивые серые глаза) спрыгнул на землю, перекинул в кузов мешки, потом помог забраться и ей. «А в вас-то, наверно, килограммов пятнадцать, не больше», — сказал он шутливо.

Петр Матвейчук с женой и детьми на прогулке в окрестностях Оленегорска.

Фото Б. Вирина.

Вот так и познакомились почтовый работник северянка Валентина Быстрова с военнослужащим погранвойск Петром Матвейчуком, уроженцем Хмельницкой области, что на Украине.

Еще раза два — три привелось им встретиться на дорогах пограничного района, куда Матвейчука с другими патрульными посылали в наряд. Была еще мимолетная встреча на железнодорожной станции, у паровоза. Матвейчук с товарищами принимал груз, а Валентина сдавала почту.

Как-то Валентина задержалась на сутки в пункте, где был расположен штаб погранотряда. Целый вечер танцевала с Петром в маленьком гарнизонном клубе. После этого начали переписываться. Теперь, когда она рассортировывала сотни разноцветных конвертов, надписанных сотнями почерков, у Валентины проявлялась несвойственная ей нервная торопливость, а матово-бледные щеки загорались нежным румянцем.

Предстояла еще одна поездка туда, где стоял отряд. Ах, как спляшет она завтра для Петра «Сербияночку»!.. Но вот полосатый шлагбаум «КП», белые домики поселка, вот крылечко клуба, кланяются знакомые пограничники, а... Петра нигде не видно.

— Служба есть служба,— сказал ей командир отряда.— Послали его на дальнюю заставу. Ничего, не огорчайтесь, девушка,— добавил он.— Так еще крепче будет...

Что же, она для себя уже все решила. Будет ждать, пока не отслужит в армии. Но он?.. Как ни говори, а степное солнце и вишневые садочки, наверно, привлекательней для украинца, чем сопки и ягельный бор.

Однако письма с дальней заставы все шли и шли. Теперь они уже адресовались на станцию Оленья (еще севернее тех мест, где прошла юность Вали): она работала здесь, в районе новой промышленной стройки, а жила на квартире у дяди, мастера деревообделочного завода.

И вот в один из осенних вечеров, когда Валентина хлопотала возле печи, помогая тетке готовить ужин, дверь с улицы отворилась, и в нее неуклюже втиснулся человек в армейской шинели, с фанерным самодельным чемоданом в руке.

— Петро... ты?!

Она очень была смущена. Хотя дядя и догадывался, что где-то есть у нее любимый: неспроста ведь ни с кем из местных парней не гуляла,— но о приезде сюда Матвейчука никакого разговора не было.

Не очень приветливо отвечал дядя на робкие вопросы неожиданного гостя, отслужившего свой срок в армии.

— Насчет работы?.. Тут, конечно, работники нужны. Вот рудник большой открывается. Что умеете? Механизмы знаете?.. Может, лучше к матери вам ехать?.. Смотрите сами, дело ваше.

Все же, когда назавтра Матвейчук нанялся рабочим на рудник — вывозить камень, насыпать, ровнять дорогу,— дядя дал ему свою телогрейку и теплую шапку.

В ту пору и Валентина и Петр еще не представляли себе, участниками какого великого дела они становятся. Не знали, что вблизи станции Оленья, среди сопок, где еще до войны советские геологи нашли крупные запасы железных руд, сейчас быстрым темпом создается сырьевая база для металлургии. Что в пяти километрах от станции, на взгорье, где рычали бульдозеры, где пока стоял всего лишь один законченный дом, уже замурована в бетонной плите фундамента мраморная дощечка с надписью: «Волею коммунистической партии 7 августа 1949 года заложен город Оленегорск»...

— Парень-то, кажется, ничего... самостоятельный, — обронил както дядя о Петре. И Валентина оценила все значение этой скупой похвалы.

Как только на рудник прибыли буровые станки, Матвейчук попросился, чтобы послали его учиться на помощника машиниста. Учил его опытный горняк Николай Маклаков; сам бывший солдат, он сочувствовал Матвейчуку и охотно отвечал на все расспросы о технике. Через три месяца Петр обрадовал Валентину новостью:

— Завтра меня машинистом ставят. Доверили станок!

Теперь они уже были мужем и женой. Рудник дал Матвейчуку комнату в деревянном доме, где разместилось еще несколько семей рабочих. Восемнадцать квадратных метров, можно жить! Все их имущество составляли в те дни матрац, узел с Валиными платьями, ходики да подаренный дядей стул.

На работе Валентину премировали обеденным столом: «Поздравляем с началом семейной жизни...» Приобрели кровать. Комната сразу стала уютной. Шкаф хотели хороший, а выбор в магазине был небогатый, но дождались: привезли домой отличный гардероб прямо со склада. Валя пове-

сила над кроватью свои вышивки, фотографию Петра в военной форме, а на подоконник поставила горшок с «золотым цветом». Зашла тетка, посмотрела, похвалила:

— Вот как хорошо устроились! Ну, дай вам бог счастья!

Счастья ждать долго не пришлось — оно сразу же поселилось в пустой поначалу комнате, где от стен отскакивало эхо и гулко щелкали ходики. Оно согревало Петра в метельные рудничные ночи, когда громоздкий станок «Уралец» тонул в наметенных сугробах и приходилось подкладывать под гусеницы бревна, чтобы точно выйти к заданному участку на кромке уступа. И когда с непривычки прихватывало штангу в скважине, долотья ломались, ветер выхлестывал из желонки рыжую студеную жижу, обжигая брызгами лицо, пятная спецовку.

В темной, задубевшей робе поверх ватника, с обернутым вокруг шеи домашним шерстяным платком (это Валя заставила надеть), Петр стоял на раме станка, чутко прислушиваясь к ударам штанги. Рука слегка придерживала дергающийся трос, на котором висел буровой снаряд. Вибрация троса давала ощущение упругости удара.

От соседей Валентина узнавала то, о чем сам Петр не любил рассказывать. Как он бился пять часов подряд, пока не помог товарищу, машинисту Кириенко, извлечь из трещиноватой породы застрявшее долото. Как уберег помощника, когда тот, черпая ведерком воду для скважины, свалился в налитый чан и обмерз, а Петр тут же разложил костер, заставил помощника подсушиться, потом отвел его в обогревалку и один отработал всю смену до конца. А смена была ночная, зимняя; выла пурга, обрывая провода, замыкая линию, набивая снег в рукавицы, сапоги, карманы, залепляя глаза. Он не ушел с поста, потому что назавтра был запланирован взрыв горной массы и надо было обязательно добурить скважину...

— Надежный человек... верный.

Валентина родила, но ребенок умер еще в родильном. Первый раз видела она мужа таким страдающим.

Через год она родила второго ребенка — сына. Петр вставал к маленькому Мишутке ночью. Где-то подобрал металлические трубки, выпрямил, нарезал по размеру, попросил знакомого электросварщика сварить, потом еще покрасил — и получилась замечательная детская кроватка. И даже со светлыми шариками на спинках.

Рождались дети. Рождался новый город...

За два — три года железные пути связали рудник с выросшими на пустыре корпусами обогатительной фабрики, а фабрику — с магистралью Кировской дороги. Теперь по этим путям электровозы тащили составы с черной сыпучей массой железного концентрата.

— Пища для домен! — горделиво переговаривались горняки и строители.

Из-под снега, покрывавшего тундровое мелколесье, словно цыпленок из яичной скорлупы, вылупился чистенький веселый поселок — голубые и розовые двухэтажные жилые дома, продмаги, булочная, гостиница с кафе, школа, детсад... Все больше и больше семей рабочих переезжало из бараков станции Оленья в Оленегорск.

Получили светлую, теплую комнату в Оленегорске и Матвейчуки, у которых опять прибавление семейства (Валентина родила еще одного сына).

Окнами комната выходила на широкую улицу, растянувшуюся между зданием больницы на пригорке и баней.

— На собрании говорили, здесь сквер разобьют... деревья посадят, цветники,— делился с Валентиной Петр.— Как думаешь, будут тут расти, например, тополя?

— Не знаю, Петро... Сосна будет расти, елочка, березка. Я лес люблю наш, северный. Петро, а помнишь ягельный бор?

— Глупая... Помню ли я? Как могу забыть те места, раз тебя там нашел!

...Нынешней зимою пришлось мне пожить в Оленегорске, частенько бывать на руднике. Там я и познакомился с Петром Стротонтовичем Матвейчуком, ныне прославленным во всей Мурманской области мастером канатно-ударного бурения. Портреты его печатаются на страницах областной газеты... Не знай я истории его женитьбы, никогда бы не поверил, что этот привычный к снежным бурям «король скважин», этот знаток окружающих гор и озер, где в свободные дни он охотится на глухарей со своим псом Пиратом, что этот человек вырос не на Севере.

Как-то комсомольцы пригласили на вечер в клуб строителей. Тут было много юношей и девушек, приехавших нынешним летом в Оленегорск из Белоруссии,— они работали на стройке расширяемых корпусов обогатительной фабрики и рудничного управления, возводили новые кварталы Оленегорска. И вот для них, для новоселов, секретарь комитета комсомола «Рудстроя» Клавдий Десятовский читал лекцию «О мечте и счастье».

Я сидел в тесном зале среди каменщиков, штукатуров, маляров и слушал, что говорил докладчик. Это была вполне квалифицированная лекция. Десятовский приводил много интересных литературных цитат; он вспомнил и о вещем сне Веры Павловны, героини романа Чернышевского, и о высказываниях Писарева о праве на мечту, и о Мересьеве из «Повести о настоящем человеке». Все это произносилось кругло, красиво, с пафосом. Однако в зале стоял шумок... Сердца слушателей не были задеты. Я спросил после лекции штукатура Нину Шмигельскую, маляра Катю Павлюченко, монтажника Андрея Лемтюгова, почему же не удовлетворила их лекция.

— Книги мы и сами читали... А вот как в жизни бывает? Вот здесь, на Севере?

И мне захотелось рассказать Нине, Кате, Андрею, рассказать юным энтузиастам, которые в Оленегорске и на Печенге, в Норильске и Магадане — на всех северных фронтах шестой пятилетки проходят сегодня нелегкое испытание своей первой полярной зимы, рассказать им хотя бы вот эту краткую достоверную историю о том, как стал северянином южанин Петр Матвейчук.

На родном языке...

В годы Советской власти у якутов появились своя письменность, литература. Сегодня дети и внуки забитого короленковского Макара чнтают на родном языке произведения Маркса, Энгельса, Ленина, книги классиков русской и мировой литературы, романы, повести, стихи советских писателей.

Директор Якутского ннижного издательства С. С. Никифоров рассказывает:

— За прошедший год мы издали 170 различных книг и брошюр тиражом 800 тысяч экземпляров. В первую очередь мы продолжали выпуск на якутском языке произведений классиков марксизма-ленинизма.

В прошлом году издательство выпустило немало переводов классической художественной литературы. На якутском языке изданы «Отелло» Шекспира, «Мать» Горького, «Что делать?» Чернышевского, «Рассказы» Чехова, «Поднятая целина» Шолохова и другие книги.

Якутское книжное издательство еще в 1955 году приступило к более полному изданию избранных произведений якутских писателей. Уже выпущены однотомники Эрилик-Эристина и Кулачикова-Элляя. В канун нового года издан второй том избранных произведений известного якутского писателя Николая Мординова.

Особенно большую работу проделало издательство по выпуску школьных учебников. Ведь, кроме нас, никто не издает учебники на якутском языке.

В 1957 году общий тираж изданных нами книг составит 745 тысяч экземпляров, 191 название, из них 60 процентов — работы местных авторов. В связи с 40-летием Октябрьской социалистнческой революции и 325-летием со дня вхождения Якутин в Русское государство будут выпущены книги, показывающие историю якутского народа до революции и в советский период. Подготовлены к печати исследовання И. М. Романова «Н. Г. Чернышевский в Вилюйском остроге», П. У. Петрова «Победа социалистической революцни в Якутии», Г. Г. Макарова «Об образовании Янутской АССР». Закончено составление сборников «Воспоминания старых большевиков» — о социалистической революции в Якутии и «За власть Советов» — о героях гражданской войны.

Будем продолжать выпуск переводной литературы. В этом году в якутском переводе выйдут «Овод» Войнич, «Дело Артамоновых» Горького, «Избранное» Маяковского, «Молодая гвардия» Фадеева. Планируем выпустить 26 книг якутских писателей, в том чнсле первые два тома четырехтомника одного из зачинателей якутской литературы, П. Ойунского, однотомники нзбранных произведений якутских писателей В. Новикова, С. Васильева, Д. Сивцева, Г. Макарова, Н. Седалищева, нсвый роман Н. Якутского «Земля», сборник рассказов молодых писателей С. Данилова, А. Федорова, М. Догордурова, книгу новых стихов и поэм Кулачикова-Элляя, С. Данилова, Г. Вешникова, М. Ефимова.

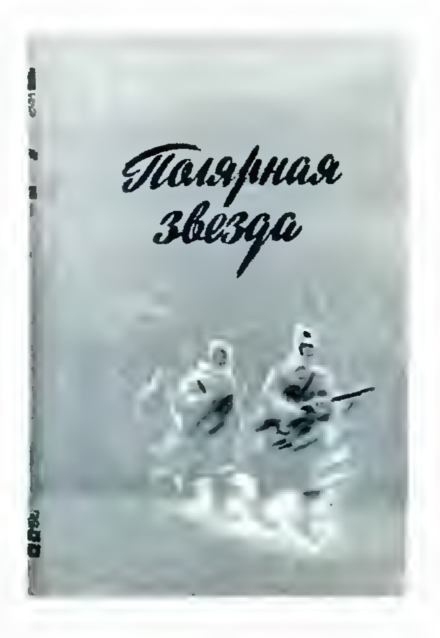
Якутские дети, кроме учебников, получат около 20 новых книг тиражом 100 тысяч экземпляров.

В 1957 году будет сдано в эксплуатацию здание полиграфического комбнната, в котором сейчас монтируются новейшие печатные машины. Появятся возможности для улучшения художественного оформления и издания книг.

Б. БАБЛЮК

Якутск.

С русским народом

Один из героев романа Андрея Калинченко, камчадал Ичалов, бережно хранит тонкую шестигранную палочку — пасхале. На ней несколько зарубок и меток, которыми в давние времена Ичалов отмечал событня, происходившие на его глазах: «В какой год какое солнце, куда ходили люди, что делали».

Эти события, как бы перенесенные затем писателем на страницы романа, происходили в начале двадцатых годов. Сибирь и Дальний Восток были захвачены колчаковцами, интервентами. На Крайнем Севере подняла голову контрреволюция: местные князцы, старшинки, купцы — торгованы.

На помощь народам Севера партия большевиков посылает своих лучших сынов. Среди них Петр Крепов — бывший петербургский студент-медик, сосланный царским правительством на Колыму за участие в революционном движении.

Грозной снлой, противостоящей богатеям-эксплуататорам, становится партизанский отряд «Полярная звезда», организованный Креповым. В отряд стекаются те, кому революция и Советы открыли глаза на жизнь. Здесь и бывший батрак Вагал и оленеводы-бедняки Ичалов, Аяма н другие. Автор показывает, как растет в народе сопротивление угнетателям, как идет процесс его возмужания.

Великая правда жизни, принесенная Креповым, комиссаром Коптевым, командиром Повельцом, приводит в отряд Оклану — женщину с чистой и светлой душой, которая думала вначале, будто можно остаться в стороне от событий, где-нибудь на дальних пастбищах. Но под пулей белогвардейца Мингардо погибает ее муж Чават. И Оклане ясно, что нельзя жить в одиночку, что даже «отбившийся от стада олень гнбнет».

Образ Окланы относится к наиболее удачным в романе. Последовательно, с художественным тактом показывает писатель рост Окланы, которая становится затем руководнтелем крупного оленеводческого колхоза. И хотя не все этапы пути очерчены в романе, мы знаем, этот путь закономерен, ибо подготовлен всем духовным развитием героини.

Автору романа удалось донести до читателя силу и красоту великой дружбы народов в ее наиболее ярком и полном проявлении — в борьбе за свободу. Рука об руку сражались против бочкаревцев и местных богатеев обитателн тундры Вагал, Аяма, Оклана, красноармейцы Бойцов, Тюмин, Федотов и другне. О русском народе думает Ичалов, когда вспоминает Петра Крепова: «Он освобождал от врага нашу землю как свою родную. Он стал нам дороже брата, блнже отца. Это был русский человек, он подружил нас с людьми Большой Земли, и мы вместе освободили нашу землю...»

Андрей Калинченко хорошо чувствует красоту северной земли, и его перо верно доносит обаяние тундры, величественной и волнующей.

Вл. АНДРЕЕВ

Андрей Калнннченко. Полярная звезда. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва, 1956. 263 стр.

ОСТАНУТСЯ КЕДРЫ

Рассказ

Александр РЕКЕМЧУК

Рисунки О. ГЕОРГИЕВА.

— Как-то с ним невесело,— пожаловалась Любка. — По-моему, если человек полюбил, ему должно быть очень весело. Чтобы пел, смеялся, ходил Ваней-дурачком. А он брови супит, пальцами хрустит, слова откуда-то из живота достает...

«Хрустеть пальцами неприлично», — мысленно согласилась Надежда Борисовна.

Она стояла над Любкиной спиной с тетрадью и карандашом в руках. А Любка ползала на коленях между ежастыми ростками, замеряла длину побегов и сообщала цифры Надежде Борисовне. Любка — лаборантка.

Два года назад здесь уже высевали семена, присланные из Баргузинского заповедника. Птицы кедровки начисто склевали семена. Новая попытка, кажется, удалась. Теперь в хозяйстве Надежды Борисовны появился еще один питомник — кедрового стланика. Если удастся акклиматизировать стланик здесь, на Верхней Печоре, зоологи займутся созданием соболиных резерватов. По-змеиному гибкие и длинные зверьки заскользят в зарослях. Их лучистый мех будет густ, как густа кедровая хвоя.

Пора, пора восстанавливать царственного соболя! Когда-то его здесь было видимо-невидимо. Когда-то, сто лет назад...

— А вообще он парень серьезный, — продолжала Любка, вычерчивая коленями борозды в сухом песке. — Не шалопут. Нынче много шалопутных парней развелось...

«Шалопут? Странное словцо в лексиконе вчерашней десятиклассницы», — отметила Надежда Борисовна.

Да, соболя нужно возобновлять. Так же решительно и быстро, как возобновлен здесь лось. Теперь на огромной территории заповедника уже не хватает пастбищ для прокорма расплодившихся таежных гигантов. Объездчики радируют с кордонов: «Лоси уходят на юг, в Молотовскую область, за неделю около трехсот голов...»

Пусть уходят. Заповедник — не кунсткамера. Восстановить природу в старых правах — это то же обновление земли.

Нужно воскрешать и сибирский кедр. Его тоже здесь было видимо-невидимо. Когда-то, сто лет назад... Деревья валили наземь только затем, чтобы обирать шишки с орехами. Даже драгоценной древесиной гнушались, оставляли с пренебрежением гнить. В то время, как...

— А нос у него — пятачком, ноздри круглые. Знаете, вроде чего... — Тут Любка повалилась всем телом на горячий песок и захохотала так, что лесные птицы пораженно умолкли. — Вроде электрической розетки — штепсель втыкать!

Был полдень. Солнечные лучи отвесно обрушивались на лес. Воздух клубился от жары. Шмели ревели над головками соцветий. Текучей слезой исходили сосновые стволы — нагие, загорелые, с шелушинкой.

— Пора обедать, — сказала Надежда Борисовна.

И когда Любка поднялась, отряхивая с розовых полных колен припекшийся песок, она с некоторой торжественностью добавила:

— Вот что, Люба. Приходите сегодня вечером ко мне. Вдвоем... Ну, с ним. Буду рада познакомиться. Кроме того, из твоих суждений очень трудно составить впечатление о человеке, следовательно, что-либо посоветовать...

Любка насторожилась, взглянула на Надежду Борисовну с интересом: «А что, собственно, вы можете посоветовать, Надежда Борисовна? Ведь вы, извиняюсь... старая дева. К тому же как понять: это разрешение прийти или просьба?»

Надежда Борисовна, будто догадавшись о Любкиных раздумьях, смутилась и уже явно просящим тоном повторила:

— Приходите, пожалуйста...

Надежда Борисовна Савина была кандидатом наук и... действительно старой девой.

Хотя дирекция заповедника и предоставила ей отдельный домик, своего хозяйства Савина не вела: некогда, да и стоит ли для одной? В Ягше — крохотном поселке научных работников — не было столовой, и Надежда Борисовна столовалась у Крыницких, в многолюдном, шумном и хлебосольном семействе своего коллеги. Ради того, чтобы не слыть, а главное, не чувствовать себя нахлебницей, она делала регулярный взнос в семейную казну.

Еще на тропинке, ведущей к дому Крыницких, навстречу Надежде Борисовне бросилась молодая белая лайка Альма. Она отчаянно виляла хвостом, стелилась по земле, растопырив четыре запыленные лапы, улыбалась черными слюнявыми губами, умильно заглядывала в глаза:

— Здравствуй, собака ты этакая! — Надежда Борисовна растроганно теребила Альму за уши, гладила жесткий загривок, совала руку в горячий зев. — Как живешь, моя красавица, дуреха?..

Взаимные эти нежности повторялись ежедневно.

Лайка была не вправе называться «красавицей», «дурехой» и даже носить свое имя, поскольку являлась кобелем и была окрещена Альмой вследствие опрометчивости Надежды Борисовны.

Когда-то собака принадлежала ей. Больше того, юридически она и теперь оставалась собственностью Надежды Борисовны. Ее щенком подарил Савиной охотник с Илыча.

Забавный пес устраивал беспорядки в квартире, пронзительно визжал, лаял и очень скрашивал одиночество своей хозяйки. С появлением Альмы в жизни Надежды Борисовны наступила необычайная пора. Она покупала молоко от лучшей в поселке коровы. И на этом молоке щенок очень быстро превратился во взрослую собаку.

Отправляясь обедать к Крыницким, Надежда Борисовна стала брать с собой и Альму. Она даже повысила сумму ежемесячного взноса, и собаку кормили отлично.

Альма вскоре уяснила новые обстоятельства. Дом, в котором жила ее хозяйка, был точно таким же, как и этот дом, где живут хозяйкины знакомые. С той лишь разницей, что кормят вкусным обедом не там, а здесь. Зачем же каждый день отправляться к заветной миске в такую даль, а потом путешествовать обратно, если можно лечь вздремнуть сразу же после обеда?

Вероятно, самой Альме эта собачья логика показалась неотразимой.

Она все неохотней покидала двор Крыницких. Когда Надежда Борисовна звала ее с собой, Альма послушно плелась до калитки, а там усаживалась, виляла хвостом, восторженно повизгивала и дальше — ни шагу.

В доме Савиной воцарилась прежняя тишина. Днем и ночью тишина. Только стучат часы ходики...

К Надежде Борисовне Альма по-прежнем питала самые дружеские чувства. Она бросалась на улицу, едва услышав знакомые шаги. А потом, когда Савина, отобедав, выходила из дома, Альма провожала ее.

— Ах ты, глупая, ничтожная тварь! — на прощанье терзала Надежда Борисовна густую собачью шерсть. — Не скучно тебе здесь?

И Альма улыбалась, весело скалила пасть: «Нет, ничего! Здесь столько всяких людей, совсем не скучно...»

* * *

Ближе к вечеру Надежда Борисовна зашла в сельпо. Лавочка эта — единственная в поселке, — помимо своего прямого назначения, была тем местом, где ягшинские хозяйки обсуждали новости дня. Сплетничали, если был повод, а не было — толковали о погоде.

Продавец Мартыныч не возражал против этих ежедневных сборищ, поскольку питал интерес к женским сплетням. Кроме того, каждая из посетительниц старалась оправдать свой приход в лавочку: одной кусок мыла потребовался, у другой все спички дома вышли...

Как раз в тот прекрасный вечер свежих новостей не оказалось, хозяйки было приуныли, и появление Надежды Борисовны оживило обстановку: Савина, не будучи хозяйкой, в лавочку заходила очень редко.

— Здравствуйте, Надежда Борисовна! — со сладостными улыбками сказали хозяйки.

— Вечер добрый, — поприветствовал ее Мартыныч и лег животом на прилавок. — Что прикажете?

Надежда Борисовна, близоруко сощурившись, оглядела полки, достала из кармана сторублевую бумажку и сказала:

— Будьте любезны, дайте мне водки.

Хозяйки распахнули рты и замерли. Мартыныч чихнул с перепугу, не глядя, потянулся рукой к ящику, потом отдернул руку и тихо переспросил:

— Водку?

— Да, водку.

— Э-э... есть красная водка — вермýт. Не желаете?

— Благодарю. Я просила водку, а не вермут. И взвесьте две селедки...

Когда Савина закрыла за собой дощатую дверь, в лавочке забурлило ликование.

Дома Надежда Борисовна переоделась. Вместо обычного черного платья с белым воротничком, она надела темно-синее с белым воротничком. Распустила перед зеркалом косу и заново заплела, сложила кулачком. Коса была тугая, длинная, седая.

...В тридцатом году Надежда Борисовна работала на Кавказе. Комплексная экспедиция — шумное общество, где почти каждый представлял иную отрасль науки, — исследовала Сванетию.

Там, в горах, научному сотруднику Надежде Борисовне Савиной единственный раз в жизни было двадцать четыре года.

К экспедиции примкнул молодой сван. Взяли сначала проводником, а затем, обнаружив, что он изрядно грамотен, назначили коллектором.

Сван был неотлучно рядом, когда тропа на горном перевале лишь обознача-

ла границу бездны. Принеся на плече подстреленного козла, он клал его не просто к общему котлу, а именно к ее ногам.

При этом сван молчал. А Надежда Борисовна краснела... от удовольствия.

Однажды, когда отряд был в пути, в ущелье стало темно. Пошли, извиваясь, молнии. Хлынул холодный ливень, а затем просыпался град.

Сван толкнул Надежду Борисовну под нависшую глыбу базальта, взмахнул полой бурки, словно галочьим крылом, и они оказались там вместе.

В темноте Надежда Борисовна отличила, как украдкой скосились к ее лицу белки его глаз, веселой белизной сверкнула улыбка. Рука свана невесомо легла на ее руку...

А зимой на Кузнецком мосту появился смуглолицый, чернявый гражданин. Одет он был в прорезиненный плащ, обут в мягкие, как перчатки, сапоги с галошами, на маленькой голове — огромная каракулевая папаха раструбом.

Он остановился у старинного серого здания. Снял галоши прямо на улице, на ступеньке. Осторожно постучался в дверь подъезда и, помедлив, вошел.

Надежда Борисовна ахнула, расцвела, когда увидела, кто.

Оказалось, что он уже учится в институте. Там, в Грузии... Зачем в Москве?

Сван тонкими пальцами нервно теребил галстук.

— Надежда Борисовна... я приехал спросить. Вы можете быть моей женой?

Савина ответила, не раздумывая:

— Нет.

Гость сразу же стал гостем. Приложив руку к сердцу, начал просить прощения за внезапный визит, учтиво кланялся, почему-то благодарил. Савина, потрясенная происшедшим до глубины души, даже ощутила досаду: что же, ему настолько безразличен ее отказ?

Сван ушел.

Галоши, оставленные у подъезда, не украли. Но он прошел мимо них, даже не заметив, и зашагал по утоптанному снегу в своих мягких, как перчатки, сапогах...

Позднее Надежда Борисовна встречала в научных журналах его работы по биохимии.

* * *

Тут явились гости.

Любкин поклонник сообщил, что зовут его Константином, решительно уселся на стул и принялся изучать комнату: портрет Мичурина, кадки с лимонными деревцами, птичье чучело на шкафу. При этом задранный нос парня действительно напоминал розетку — «штепсель втыкать».

А сама Любка, интимно пошептавшись с Надеждой Борисовной, ускользнула в смежную комнату; то ли ей потребовалось заплести косу перед зеркалом, то ли просто из любопытства.

Между прочим, и на Любке было платье с белым воротничком — только коричневое, еще школьное.

Да, Любка была хороша. Это сейчас отчетливо увидела Надежда Борисовна. Собственно говоря, ничего в ней хорошего не было: волосы темно-рыжи, круглое лицо с веснушками, глаза невелики. Но в живой белизне шеи, в застывшем вздохе груди, в крепкой стати ног, в этих самых веснушках — точках соприкосновения небесной и земной красоты — воплотилось юное могущество, из-за которого ягшинские кавалеры заикались, теряли головы и не обращали внимания на настоящих красавиц.

— Что это ты вертишься, как на угольях? — строго спросила Любка своего парня.

Константин очень испугался, сказал «ничего», насупился. Кажется, он не очень ловко чувствовал себя в незнакомом доме и уж явно предпочел бы бродяжничать с Любкой по темным лесным тропинкам.

«Не пора ли накрывать на стол?» — соображала Надежда Борисовна.

— Давайте пить чай, — объявила она. И тут с очевидным лукавством добавила: — Правда, некоторые молодые люди предпочитают крепкому чаю еще более крепкие напитки...

Парень с подозрением глянул на Савину, покраснел.

— Бывает, конечно... некоторые.

— Ну, а вы?

Константин взъерошил пятерней волосы, покосился на Любку, выдохнул:

— Чай.

Сказать по правде, он с удовольствием выпил бы водки. Особенно в такой обстановке.

Пили чай.

— Где вы работаете, Константин? — поинтересовалась Надежда Борисовна.

— На буровой. По ту сторону, шесть километров.

Левобережье Печоры не было заповедной территорией. Туда в прошлом году сейсморазведчики привезли баржу взрывчатки и каждый день устраивали показательные землетрясения. А нынешней весной над лесом возникли буровые вышки. Здесь предполагалась нефть. По другим слухам — газ. Во всяком случае, окрестности Ягши стали многолюдней.

— Значит, вы разведчик? — сказала Савина. — Это отличная профессия.

— А вы по какой специальности работаете? — не остался в долгу гость.

— Я биолог. Так же, как и Люба.

— Ясно. Гибриды выводите. — Константин кивнул головой на Мичурина.

— Ох, бестолочь! — простонала Любка. — Я же объяснила...

Надежда Борисовна изложила вкратце проблему восстановления сибирского кедра. Упомянула о соболе.

Парень все выслушал и, в общем, одобрительно отнесся к этой проблеме. Однако, имея на Любку серьезные виды и зная, что бурение разведочных скважин в районе Ягши будет продолжаться не вечно, решил уточнить: сколько нужно ждать, пока кедр восстановится?

— Ну, — мягко улыбнулась Надежда Борисовна, — завершать эту работу уже не мне...

Юноша долгим, сочувственным взглядом посмотрел на Савину. Утешил:

— Вы еще не очень старая... А ей, например, долго с этим делом возиться?

— Видите ли... Сибирский кедр начинает здесь плодоносить в семьдесят лет.

— Та-ак... — протянул Константин.

Затея с кедром стала ему меньше нравиться.

Приуныла и Любка: сузившиеся ее зрачки нащупали точку в стене и отрешенно застыли на ней. Выдалась вперед розовая влажная губка. Кажется, Любка высчитывала. А потом, мотнув рыжими волосами, заявила:

— Ну и наплевать... Зарплата все равно идет.

— Что? — изумилась Надежда Борисовна.

— А вот что, — вмешался Любкин поклонник. — Ничего у вас все равно не выйдет. Печору скоро поворачивать будут. Обратно. Волгу поить. И здесь, в верховьях, образуется море. Большо-ое море... — Константин раскинул руки, как для объятия, наглядно поясняя размеры предполагаемого моря. Он сиял. — Честное слово! Читал в одной газете. Даже задание есть: всю тайгу вырубить начисто, где будет море... Это, чтобы пароходы не цеплялись, — поделился уже собственной догадкой.

— Предположим, — рассердилась Надежда Борисовна. — Но вам-то тогда что за смысл бурить здесь скважины? Итак...

— А мы... — заморгал парень и вновь просиял. — А мы будем бурить с воды. Ясное дело — как на Каспийском море!

Когда Константин перестал кричать и размахивать руками, в комнате сделалось очень тихо. И все трое услышали, как, поспешая, стучат часы ходики. За дверью, на кухне, умывальник ронял в таз звонкие капли. Сама собой на улице поскрипывала незапертая калитка.

Любка испытующе смотрела на Надежду Борисовну.

— Дело в том, — с некоторой сухостью сказала Савина, — что граница водохранилища пройдет ниже заповедника. У Сняги... Такими сведениями я располагаю. — Темные пальцы Надежды Борисовны теребили бахрому скатерти. — При любых обстоятельствах кедры останутся!

— Понял? — торжествующе заключила Любка и щелкнула парня по носу.

На крыльце дома она отправила Константина вперед.

— Не бойся, догоню!

В неплотной августовской тьме синее платье Надежды Борисовны и коричневое Любки сравнялись цветом. Остались два белых воротничка.

— Как он вам? — напрямик спросила Любка.

— Приятный юноша, — оценила Надежда Борисовна. — Во всяком случае, вызывает симпатию.

— В том-то и дело, что вызывает... — вдруг затосковала девушка. — Понимаю, что нужно в него влюбиться, и никак не влюблюсь. А он говорит: «Давай поженимся»... Как быть?

Савина долго не отвечала. Потом покачала головой:

— Право, не знаю, что и посоветовать, Люба. Видишь ли...

— Не знаете, конечно. Никто не знает... Спокойной ночи, Надежда Борисовна!

Теплый ветер волнами пробегал по хвойным вершинам. Плыли тучи, позлащенные с изнанки луной. Во всех дворах лаяли собаки: должно быть, у околицы бродили невозмутимые заповедные лоси.

Надежда Борисовна прислушалась: ей показалось, что в собачьей разноголосице она отличает усердный и звонкий лай Альмы.

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Подъем флага

Флаг поднимался медленно и верно.
И знал,
что взгляды всех сейчас
на нем!
Он наши лица осветил мгновенно
земным огнем,
трепещущим огнем.

Он сразу же
метели стал перечить!
Молчал.
(А нам казалось, что звенит!)
Он, складки распрямляя,
будто плечи,
над нашей головой всходил в зенит...

Стояли мы,
немея от восторга,
смотрели, как он бьется на ветру.
И было ясно:
флаг сюда
надолго!
Ему
такое место
по нутру!..

И знали мы:
среди торосов грузных
у флага будет каждый на виду.
Он не потерпит
шкурников и трусов,
поможет,
если попадешь в беду.

Не сдаст,
не упадет
и не остынет,
бунтующий,
разлившийся в глазах...

...Ну, вот и всё.
Конец тебе, пустыня!
Конец тебе,
безмолвье!
Грянул залп.

Песня о Большой земле

Над холодною льдиною северный ветер
пролетает, поземкой пыля...
Но поем мы о том, что на свете,
на свете
есть большая, как небо, земля.

Есть Большая земля,
с полями, с лесами,
есть луга, где ромашки цветут,
где озера глядят голубыми глазами,
есть земля, где нас любят и ждут.

С нашим домиком полюс
почти по соседству —
ледяные, немые поля...
Далеко до Москвы.
Но у самого сердца
и Москва и Большая земля.

Та Большая земля,
с полями, с лесами,
те луга, где ромашки цветут,
где озера глядят голубыми глазами,
та земля, где нас любят и ждут.

Вьюга в наше окошко стучится свирепо,
по округе снега расстеля...
Пожелай,
пожелай нам счастливого дрейфа,
дорогая
Большая земля!

Ты, Большая земля,
с полями, с лесами,
вы, луга, где ромашки цветут,
где озера глядят голубыми глазами,
ты, земля, где нас любят и ждут.

Поселок на льдине

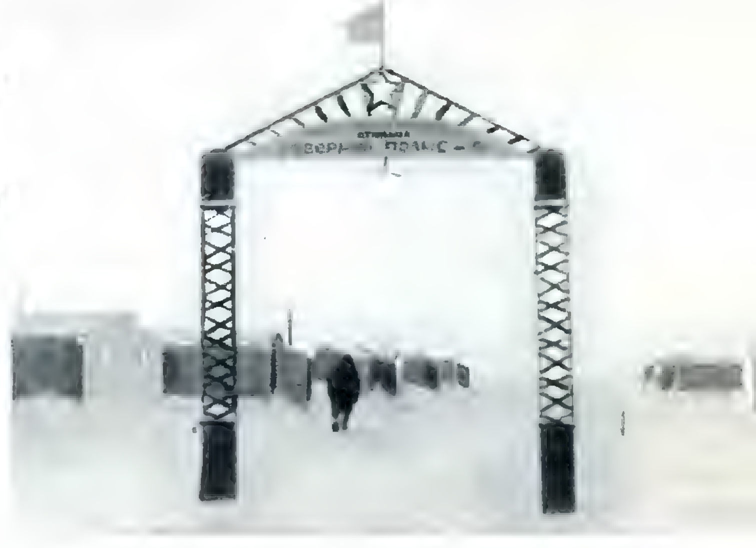
Льдина, на которой расположилась станция «Северный полюс-6», по сути дела, не льдина, а ледяной остров площадью в 75 квадратных километров и толщиной в 10—12 метров. На такой льдине можно построить долговременный лагерь, не опасаясь за его судьбу.

Люди живут в маленьких благоустроенных домиках, сделанных из материала, который легче дерева, не горит, хорошо задерживает тепло. Их легко переносить с места на место. В каждом домике разместились три—четыре человека. Электрический свет горит круглосуточно, есть и радио и телефон... Да, настоящий телефон. Здесь построена самая северная в Советском Союзе автоматическая телефонная станция. Правда, чтобы позвонить, достаточно набрать одну цифру. Обогреваются домики печурками, потребляющими уголь.

Поселок на льдине строго распланирован, широкая, прямая улица названа Моржовым проспектом. Вокруг приютились палатки, где находятся амбулатория, медицинская лаборатория, служебные помещения и склады. Над всем этим повисла паутина антенн.

...Поступили сведения, что к станции направляется самолет. Скоро он будет на льдине. Полярники пишут письма родным. А на посадочной площадке уже готовят костры для приема самолета.

О. БАБИН, А. ШАТУНОВСКИЙ.

Арка у входа в лагерь «СП-6».

Ждут самолета...

ПЕЧОРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ

Часто приходится слышать, что Воркута — очень далекая окраина. Почти так действительно и было в недавнем прошлом. Один из воркутинских старожилов рассказывал нам о своей поездке в Москву в 1939 году:

— Путешествие начиналось цирковым номером — переправой через реку в люльке, подвешенной на блоке к канату. Дальше — узкоколейкой до устья Воркуты, пароходом до Нарьян-Мара и морем в Архангельск.

Сейчас весь этот путь завершается в два с половиной дня в скором поезде Москва — Воркута.

Около двух тысяч километров, перерезая тайгу и тундру, тянется колея Печорской дороги. Вдоль дороги — новые северные города Ухта, Инта, Печора и Воркута.

В семье советских железных дорог Печорская — одна из младших. Но и в трудных условиях Заполярья, где сила ветра порой достигает 35 метров в секунду, в пургу и морозы поезда неуклонно идут по установленному графику движения.

Печорская дорога одноколейная. Но на отдельных участках машинисты приветствуют гудками встречные поезда: уже идет строительство вторых путей. К концу пятилетки работа эта будет завершена

ЗОЛОТО КОЛЫМЫ

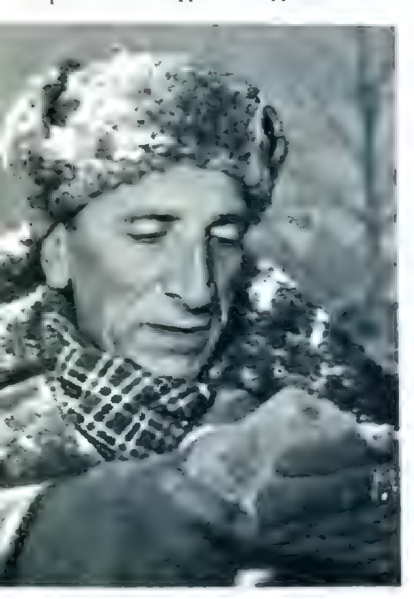
С. МОРОЗОВ

Фото Я. Рюмкина.

С именем Колымы неизбежно ассоциируются таежные дебри, заснеженные горы, свирепая, пронизывающая до костей стужа. И золото! Обязательно золото! Если о колымском золоте не написаны романы, не сложены песни, то это, наверное, потому, что его история столь же молода, сколь стара история самой Колымы.

Более трех столетий со времен землепроходцев известна географии эта великая сибирская река. И в какие-то три десятилетия укладывается биография колымской золотой индустрии. Тем драгоценнее для нас живая летопись — память наших современников, первооткрывателей золота на Колыме.

С одним из колымчан-старожилов, геологом Раковским, мы встретились недавно в долине Берелеха, в окутанном ледяным туманом поселке Нексикан.

Сергей Дмитриевич Раковский.

Сергею Дмитриевичу Раковскому под шестьдесят, но выглядит он намного моложе: невысокий ростом, худощавый, быстрый в движениях. У него иссеченное ветрами, обожженное морозами лицо, пристальный взгляд усталых, но еще зорких, многое на своем веку повидавших глаз.

— Тут вот с краю представьте себе охотское побережье,— говорил Раковский, аккуратно выкладывая на письменном столе ломаные линии из спичек,— отсюда надо было искать дорогу на Колыму, к притоку ее Среднекану, на котором предполагались золотые россыпи. А на картах тогдашних весь Колымский бассейн был представлен несколькими маловразумительными закорючками... Вот высадились мы в Оле с парохода, начали расспрашивать местных жителей-эвенов, дали им карандаши. Да рисовать-то эвены не умели. И пришлось нам, слушая их рассказы, выкладывать схему пути спичками, а потом уж вычерчивать ее для себя на бумаге.

Сергей Дмитриевич говорит неторопливо, часто вспоминая подробности, столь характерные для того времени. Тогда, летом 1928 года, Советскую власть в рыбачьем поселке Ола представлял ревком. Все немногочисленные работники его единодушно считали безумием затею геологов — пробраться в бассейн Верхней Колымы: «Нет тут дорог, погибнете. Лошадей и не просите». Несколько захудалых кляч все-таки выпросить удалось, и, навьючив их припасами, геолог Ю. А. Билибин вместе с пятью спутниками углубился в тайгу.

С Билибиным шел молодой разведчик Сергей Раковский, коренной сибиряк. К тому времени он успел уже отшагать пешком от Иркутска до Алдана, перемыл немало песков на алданских россыпях. Золотой лихорадкой люди болели по-разному. Стяжателей влекла добыча, искатели стремились к разведке. Раковский, недавний студент, был искателем по натуре. Потому-то и расстался он с привольной старательской жизнью на Алдане, потому и потянула его неведомая Колыма.

— От Олы двигались мы сначала пешочком, коней с вьюками в поводу вели. Потом на речке Молтан срубили лиственницы, сколотили плоты. Поплыли. Из Молтана вышли на Бохапчу. Горная речка, быстрая... Пороги, водовороты. И на камнях насиделись, и потопили кое-что из припасов, и накупались вдосталь в ледяной воде...

Бохапча вывела геологов на Колыму уже поздней осенью, когда выпал снег и на реке образовались ледяные забереги. На плотах спускались и вниз по Колыме. Что ни день, открывали новые притоки, наносили их на карту, давали имена: Утиная, Запятая, Пригожая. Вскоре отыскался и Среднекан, известный до той поры только по рассказам таежных охотников. На ключе Безымянном, впадающем в Среднекан, нашли золото. Построили зимовье. Тем временем ударила зима, запасы продуктов кончились. Только в декабре, когда Билибин, Раковский и их спутники глодали остатки лошадиных шкур, пришел в Среднекан зимним путем олений обоз из Олы.

— Вот она какая была, дорога к первому золоту!

Слушая рассказ Сергея Дмитриевича, я не раз перебегал взглядом от спичечной схемы на столе к многоцветной, во всю стену геологической карте Дальнего Северо-Востока. И не раз возвращался мысленно к своему недавнему 700-километровому пути от областного города Магадана до поселка геологов Нексикана. Быстрая, стремительная это была поездка на рейсовых автобусах по шоссе!

В многоэтажном каменном Магадане, который служит морскими воротами всей обширной Магаданской области, была в разгаре зимняя навигация. У причалов бухты Нагаева, стянутой молодым льдом, стояли с разверстыми трюмами океанские грузовозы, пришедшие последними рейсами из далекой Находки, с Приморья. День и ночь портальные краны выгружали громоздкие ящики, туго набитые мешки, связки бараньих туш. День и ночь выкатывали за ворота порта тяжело груженные машины с прицепами, начиная сухопутные рейсы в глубь таежного горного края, к приискам и рудникам «Дальстроя».

Много таких автопоездов повстречали и обогнали мы на дороге, серпантином обвивающей каменные громады, прорубленной в скалах над обрывами. «ЗИЛы», «МАЗы», «ярославцы» мчались на полной скорости, буксируя то пузатые цистерны с предостерегающей надписью «Огнеопасно», то площадки с громоздкими контейнерами, тракторами, паровозными котлами. Смотришь — и диву даешься: как везут за тридевять земель этакие махины? На каждом грузовике перед ветровым стеклом вьется сизый дымок из железной трубки, в каждой кабине топится печурка. «В нашем климате иначе нельзя: замерзнешь»,— говорят водители.

На стоянках и в пути, беседуя с множеством людей, мы наслушались рассказов о страшных заносах, которые случаются тут почти каждую зиму. Побывали и сами в пурге, видели, как работают колымские дорожники на своих снегоочистителях, бульдозерах, грейдерах.

Запомнились нам и часы, проведенные в Мяките — главном «автомобильном порту». В уютной комнате, освещенной лампами дневного света, диспетчеры вызывали по селектору то Усть-Неру, что на берегах Индигирки, то угольный рудник Аркагалу, снабжающий топливом всю Магаданскую область, говорили с электростанциями, заводами горного оборудования. Всюду, куда идут автопоезда, проникает «всевидящее

Бухта Нагаева—морские ворота Магаданской области.

око» диспетчера. Ведь шутка ли: свыше двух миллионов тонн перевозит автотранспорт «Дальстроя» за год! На семь с лишним тысяч километров тянутся дороги к золоту — трассы шоссе и сезонные «автозимники», проложенные по скованной морозами таежной топи и льду замерзших рек.

И теперь, слушая Раковского, было что сравнивать, было над чем подумать!

— Нелегкое это дело — найти! — говорил Раковский, тепло вспоминая своих соратников, пионеров разведки.— Найти нелегко, а добыть и того трудней. Колыму старательским лотком да лопатой не возьмешь, это как море ложкой черпать. Промышленность надо было создавать. И ведь создали, быстро создали!

Найти и добыть! Вот уже четверть века наступает многотысячная трудовая армия «Дальстроя» — геологи и горняки, строители, дорожники, автомобилисты. Вспоминая прожитые годы, Сергей Дмитриевич как бы ведет нас то индигирской тайгой, то по затянутым облаками Верхоянским горам, то чукотской тундрой. Где только не возникли за эти годы золотые прииски, оловянные рудники, добыча редких металлов!

— Порядком золотишка взяли за двадцать пять лет,— говорил Раковский. — И снова ищем и снова находим. Щедрая земля!

Да, несметно богаты эти долины и горы, годами заснеженные, скованные древним холодом вечной мерзлоты. Но богатство их не только в природных дарах, скрытых в недрах. Оно и в созидательном труде хозяев края, упорных и мужественных советских людей.

Сколько мостов миновали мы, проносясь над торосами и дымящимися испарениями наледями Верхней Колымы, Аян-Юряха, Кулу! Как часто из ночной тьмы возникали перед нами освещенные кварталы поселков, жилые дома, нарядные здания, школы, колоннады клубов, заводские трубы, мачты высоковольтной передачи! Оротукан, Ягодный, Берелех, Сусуман... Что ни поселок на трассе, то большой промышленный и культурный очаг.

И вдали, у подножия гор, и по соседству с дорогой высятся массивные корпуса драг — огромных золотодобывающих фабрик, — тянутся ряды терриконов — отвалы отработанной породы. Терриконы засыпаны снегом. Неподвижные драги похожи на зимующие в затонах пароходы. Так бывает всегда зимой. «Водичка сейчас сухим пайком выдается»,— шутят колымские горняки. Зато летом потоками хлынут воды, заработают промывочные приборы, загрохочут драги.

Но круглый год идет подземная добыча золота на шахтах, на рудниках.

Позади добрая тысяча километров горной дороги, тесные «прижимы» над пропастями, сумерки ущелий, ошеломляющий простор перевалов. Рельеф местности становится как-то ровнее, спокойней, и впереди, в полуденной безоблачности небосвода, пышно расцветают дымы. Множество строений рассеяно в долине. Длиннющим висячим мостом перекрывает ее канатная дорога. Так выглядит рудник имени Матросова — один из крупнейших на Колыме.

Впечатление индустриальной мощи усиливается, когда попадаешь в шахту. Двигаясь по штольне, ведущей в глубь горы, то и дело надо сторониться, прижимаясь к щербатому камню стен, чтобы пропустить встречные электропоезда, груженные сероватыми глыбами. Так хочется пристальней рассмотреть руду: вдруг да и блеснет желтая песчинка?! Но в штольне полутемно, и мы шагаем вслед за главным инженером Н. К. Ступиным, протискиваемся в лабиринты штреков, пробираемся в забой.

Бурильщик Янис Петрович Ренгартс умелой рукой направляет сверла перфораторов, вгрызающихся в камень. Когда шпуры пробурят, в них заложат аммонит, и сила взрыва обрушит многие десятки тонн руды. Ренгартс первый на руднике начал бурить одновременно несколькими перфораторами. Методы его, все шире применяемые теперь бурильщиками «Дальстроя», обсуждались и в Свердловске на совещании передовиков, куда Янис Петрович ездил делегатом от горняков Колымы.

Недавно пришли в забой к Ренгартсу два ученика — братья Меркишины: Виктор и Анатолий. Москвичи-комсомольцы, они собрались на Колыму, едва получив аттестаты зрелости.

— Школу окончили, а вуз выбрать никак не могли, да и поработать самим очень уж хотелось,— рассказывает Виктор.

— И как работается под землей?

— Трудновато сначала, но интересно. Теперь уж горняками станем на всю жизнь. Сейчас машинистами на скрепере, а потом и на инженеров выучимся.

Николай Константинович Ступин ведет нас дальше подземными коридорами. Идем к мастеру Ивану Михайловичу Островерхову, который осваивает новый буровой станок. На большую глубину — в пятьдесят метров — бурит скважины Островерхов. Применение нового станка должно значительно увеличить производительность рудника имени Матросова.

Подземное путешествие продолжается несколько часов, и нам начинает казаться, что все окрестные недра исхожены.

— Что вы! — смеется Ступин, когда мы выходим из штольни.— Нашу золотую гору и в неделю под землей не обойдешь!

Оказывается, общая протяженность горных выработок превышает восемьдесят километров. Гора настолько высока, что буровая вышка геологов на ее вершине кажется нам снизу крохотным треугольником.

— Она и впрямь золотая, эта ваша горушка?

— Как вам сказать,— отвечает Ступин,— девяносто шестой пробы на ней поставить нельзя. Но руда богатая. По нескольку граммов металла на тонну. Сейчас шахтную добычу ведем, а со временем можно начать и открытые разработки. Поставил экскаваторы — и черпай!

Добытый из руды драгоценный металл тщательно взвешивается в золотоприемной кассе обогатительной фабрики.

Теперь уж тем более не терпится поглазеть на золото в чистом его виде, на конечную продукцию. И мы едем за несколько километров туда, куда плывут по воздуху вагонетки подвесной дороги, доверху наполненные рудой.

После полутьмы и морозной сухости шахты цехи обогатительной фабрики ослепляют электрическим светом, обволакивают сыростью испарений, поражают обоняние множеством острых запахов. Дробилки, мельницы, покрытые ртутью медные листы, герметические реторты, растворы цианистого натрия, цинковые стружки — десятки машин, приборов, химических реагентов участвуют в сложном процессе извлечения золота из руды.

И вот наконец оно перед нами в золотоприемной кассе фабрики. Тускло-желтые крохотные лепешечки, очень похожие на крупу, ссыпаны в простую эмалированную кастрюлю. Как буднично! Как непочтительно обращаются здесь с благородным металлом!

Потом желтоватую крупу взвесят со скрупулезной точностью, тщательно упакуют в мешочки, в ящики. И автомобили повезут в Магадан, а затем самолеты помчат в Москву этот груз, такой незначительный по объему и весу, но такой драгоценный!

КОСТЕРЕЗЫ

Горячей привязанностью к диким, недавно еще пустынным землям, преображенным ныне великой стройкой, проникнуты работы художников Севера, показанные недавно в Магадане на Первой областной выставке изобразительного и прикладного искусства. Всего здесь было представлено шестьсот пятьдесят картин, этюдов, акварельных и карандашных рисунков, гравюр, монотипий, скульптур, произведений народных художников-костерезов. Участники выставки живут и работают не только в областном городе, но и в районных центрах, поселках, отстоящих от Магадана на многие сотни километров.

На выставке широко представлено творчество народностей Крайнего Севера — работы костерезов и граверов по кости: чукчи Вуквутагина, награжденного орденом Ленина, эскимоса Хухутана и эскимоски Эмкуль, чукчи Янку и других. С филигранной четкостью, с большим изяществом исполнены Тукнаем вырезанные из кости сценки с охотниками и оленеводами. На миниатюрной гравюре, выполненной на моржовом клыке, изображены Хухутаном собачья упряжка, забой моржей; на кости же вырезан целый современный чукотский поселок: рядом с ярангами дом с надписью «Почта», неподалеку от оленьей упряжки приземлился самолет.

Первая художественная выставка — большое событие в культурной жизни Магаданской области.

М. ТИХОНОВ

Тукнай. ПРИРУЧЕНИЕ ОЛЕНЯ.

Тукнай. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ.

Сейвутегин. ВАЖЕНКА С ОЛЕНЕНКОМ.

Тукнай. ОЛЕНЬЯ УПРЯЖКА.

В клубе колхоза «Тундра» концерт самодеятельности. Песню на родном языке поет молодая колхозница-коми Марина Юлина. Аккомпанирует ей гармонист Дмитрий Терентьев.

Фото М. САВИНА.

СЕЛО ОЛЕНЕВОДОВ

Мчится по широкой заснеженной сельской улице оленья упряжка. Не отставая от оленей, резво бегут быстроногие северные лайки. Поворот. Нарты заносит; кажется, вот-вот опрокинутся в сугроб, но человек в малице и пимах ловко выворачивает, взмахивает длинной палкой — хореем,— и сани снова летят стрелой. Только возле памятника Ленину, что возвышается в центре села Ловозеро, нарты притормаживают.

— Здравствуйте, Егор Игнатьевич. Откуда путь держите?

— Да прямо из тундры. С реки Вороньей... Выбрали меня на партийную конференцию делегатом,— с достоинством поясняет оленевод.

Егор Игнатьевич Кузьмин — по национальности саами. Родился и вырос здесь, на Кольском острове, в Ловозере (названо село по имени большого, богатого рыбой озера со ста сорока островами). Оленье стадо того колхоза, где поставлен он бригадиром пастухов, сейчас разгребает снег в поисках ягеля далеко отсюда — километрах в двухстах по зимнику.

Коммунистом Кузьмин стал в годы войны. На своей упряжке перевозил в тыл раненых, подвозил боеприпасы к линии фронта. Вьюк — на оленей, а сам пешком.

Когда выбрали Кузьмина бригадиром, в стаде не насчитывалось

— Выбрали меня на партийную конференцию,— говорит Егор Игнатьевич.

и тысячи голов оленей, а теперь — более двух с половиной тысяч. Бригада почти не знает потерь оленей. А почему? Бригадир заботится о теневых навесах (чтобы летом защищать животных от комаров, слепней и оводов), находит в тундре хорошие пастбища и строит там проволочные изгороди. Зорко бережет стадо от волков. Да и не он один. Минувшей осенью был такой случай. На стадо напала стая хищников. Олени разбежались, бросились вплавь через озеро. На другом берегу найти их было бы невозможно. Пастух-ненец Лука Федорович Явтысов, не раздумывая, бросился в ледяную воду, накинул веревку на рога плывшего впереди быка, так держался и плыл; переправился на другой берег и там собрал стадо.

Хотя тружеников Ловозера редко можно застать в селе, но их никак не назовешь кочевниками. Кто-либо из семьи всегда дома. Все дети учатся в школе. Зимой, после забоя оленей, особенно многолюдно бывает в колхозном клубе, в библиотеке-читальне, на киносеансах. Почти в каждом доме книги, радиоприемники. Жители пользуются услугами хорошо оборудованной больницы, с рентгеновским кабинетом, кварцевыми лампами.

Коренные жители Ловозера — саами. Саамский язык весьма своеобразен: он не знает предлогов, в нем шестнадцать падежей. Детям на первых порах нелегко овладевать русским языком. Случалось, что в отчаянии они бросали учение. Много положил труда педагогический коллектив ловозерской школы, особенно ее директор Геннадий Александрович Беляев (он работает над составлением саамско-русского словаря), чтобы приобщить к знаниям и культуре все молодое поколение села. И результаты налицо: в прошлом году впервые многие юноши и девушки получили аттестаты зрелости.

Саами живут одной братской семьей с русскими, коми и ненцами. Интересна семейная история одного из передовых людей Ловозера — заведующего красным чумом колхоза «Тундра» Николая Акимовича Хатанзея. Мать его — коми, отец — ненец. Сам Николай женился на русской — агрономе Ефимовой. У них уже родилась дочурка Галя... Сестра Николая Марфида окончила в Мурманске Учительский институт и сейчас работает учительницей в тундре, в том самом колхозе, где бригадиром знакомый уже нам оленевод Кузьмин.

Ловозерская молодежь деятельно готовится к фестивалю: идут соревнования певцов, музыкантов.

М. ЛЬВОВ

Дети колхозников. Оленеводческий колхоз «Тундра», Ловозерского района, Мурманской области.

Возле ловозерского Дома культуры.

На фоне ледников — первые домики метеостанции.

Фото Н. Клюкина.

МЕТЕОСТАНЦИЯ НА ХРЕБТЕ СУНТАР-ХАЯТА

Одиннадцать гидрометеостанций Колымы в предстоящем Международном геофизическом году будут вести детальные наблюдения за атмосферой. В их число включена новая высокогорная метеостанция Сунтар-Хаята.

Место для нее выбрано в районе мирового полюса холода — Оймякона, на высоте 2 040 метров над уровнем моря, на горном хребте, являющемся водоразделом бассейна реки Индигирки и рек, впадающих в Охотское море. Вблизи — вечные ледники.

— В этих местах,— рассказывает заместитель начальника Колымского управления гидрометеослужбы Н. Клюкин,—уже с сентября лежит устойчивый снежный покров, стоят суровые морозы, дуют холодные ветры. Но работы на площадке не прекращаются. Еще летом тут был построен склад, вырыты котлованы под фундаменты метеорологических приборов, ветродвигателя, радиомачты. Сейчас готовится к установке генераторная — домик, где разместятся двигатель и генератор для зарядки аккумуляторов. Строители возводят служебный и жилой дом.

Сунтар-Хаятинская метеостанция расположена за сотни километров от населенных пунктов. Но ее коллектив будет иметь постоянную радиосвязь с Большой землей.

Строителям метеостанции большую помощь оказывают колхозники, доставляющие сюда на оленях продукты и оборудование...

Рядом со станцией будет работать экспедиция Института мерзлотоведения Академии наук СССР. В ее задачу входит изучение ледников и проведение геотермических наблюдений. Результаты экспедиции позволят ближе узнать этот высокогорный, малоизученный массив северо-востока СССР.

Ю. РЯБОВ

Зимою в Ловозерской тундре передвигаться можно только на оленях.

КЛУБ СПОРТСМЕНОВ

В один из коротких зимних дней, когда по магаданским улицам гуляла поземка и термометр показывал более двадцати градусов мороза, нам повстречалась в центре города молодая пара с теннисными ракетками в руках. Ракетки были в чехлах, порядком уже потертых,— видно по всему, что ими пользовались не первый год.

Теннис в Магадане, да еще зимой?! Другое дело — лыжи или коньки. Восемь месяцев в году покрыты снегом сопки, окружающие город. В воскресные дни они всегда усеяны лыжниками. И каждый вечер гремит музыка над огромным зеркалом катка. Но теннис?.. Признаться, мы были удивлены.

Однако нам не пришлось долго разыскивать в Магадане закрытый зимний корт. Он оказался рядом с катком, в высоком, просторном зале. И как ни меняет внешность людей костюм, мы сразу узнали в одетых по-летнему двух теннисистах ту самую молодую пару, которую недавно повстречали на улице. Это были супруги Кирилловы — Георгий и Наталия. Летчик гражданского воздушного флота Г. Кириллов, недавно возвратившийся домой из очередного рейса, проводил свой досуг вместе с женой на зимнем теннисном корте.

Вскоре появились в зале и девушки-баскетболистки, пришли тренироваться штангисты, фехтовальщики, боксеры, легкоатлеты. Нас познакомили с молодыми рабочими магаданских строек Николаем Черкасским и Валентином Иванищевым, со студентами-дипломниками Горного техникума Александром Ободниковым и Александром Бондаренко. Были тут и инженеры Главного управления «Дальстроя», и шоферы колымских автомобильных трасс, и моряки из порта, и воспитанники ремесленных училищ, и школьники.

Около 1 300 юношей и девушек посещает ежедневно Магаданский Дворец физкультуры добровольного спортивного общества «Металлург». В своем большом, благоустроенном клубе молодежь круглый год занимается почти всеми видами спорта. Какая бы ни была погода на дворе, тут тепло, просторно. Регулярные тренировки позволяют молодым магаданцам всегда быть в спортивной форме. Недаром многие из них участвовали в Спартакиаде народов РСФСР и показали хорошие результаты.

— Дворец физкультуры у нас отличный. Теперь мечтаем о плавательном бассейне,— говорят магаданцы,— а то живем у моря, а выкупаться негде.

Что правда, то правда! Как ни закалена молодежь на Севере, но купаться в студеном и штормовом Охотском море охотников не найдешь. Магадан строится, растет с каждым годом. Будет со временем здесь и плавательный бассейн.

Т. ТИМОФЕЕВ

Дворец физкультуры в Магадане. Занятия по гимнастике ведет инструктор-общественник, техник междугородной телефонной станции Л. Хенкин.
Фото Я. Рюмкина.

Областной драматический театр имени М. Горького в Магадане.

НА СЦЕНАХ ТЕАТРОВ

Магадан

Магаданский театр имени М. Горького родился одновременно с городом. Труппу его составили участники художественной самодеятельности и актеры московских театров. Первым спектаклем играли «Любовь Яровую» К. Тренева. А театр помещался в деревянном бараке...

Теперь областному театру предоставлено прекрасное здание в центре города. Здесь ставят драму и оперетту. Среди актеров много молодежи — воспитанников столичных и других театральных школ.

Концертные бригады театра часто выезжают в гастрольные поездки на Чукотку и Охотское побережье, к геологам и строителям, рыбакам и оленеводам. Артисты были в таких местах, где до них не знали, что такое театр, и везде их принимали как дорогих гостей.

На Чукотке бывало так: не успеют окончить выступление в одном стойбище, а из другого — порой за многие десятки километров — уже приехали каюры звать на новый концерт.

Якутск

«Кузнец Кюкюр» Суорун Омоллона в Якутском государственном музыкально-драматическом театре. Кузнец Кюкюр — А. Ефремов, его дочь — Т. Мыреева
Фото О. Бабина.

Первый в Якутии национальный театр был создан более тридцати лет назад. На его сцене дебютировали многие местные драматурги. В этих стенах был показан первый национальный балет—«Полевой цветок » — и первая национальная опера — «Ньюргун Боотур». В 1955 году в труппу влилась большая группа выпускников Якутской студии Театрального училища имени М. С. Щепкина при московском Малом театре.

Пять лет под руководством народной артистки СССР В. Н. Пашенной и других опытных педагогов талантливые юноши и девушки Якутии овладевали в Москве сценическим мастерством. В их исполнении якутские зрители впервые увидели спектакли «Снегурочка» Островского, «На дне» М. Горького, «Ромео и Джульетта» Шекспира и «Счастье» Павленко и Радзинского.

Сейчас молодые актеры вместе со своими старшими товарищами создают новые спектакли.

Сыктывкар

Пьесу «Свадьба с приданым» хорошо знает зритель. Многим памятен и фильм того же названия. И только мало кто знает, что пьеса эта написана на языке коми артистом Коми республиканского театра драмы Н. Дьяконовым, в этом коллективе и поставили ее впервые.

Создание пьесы для своего коллектива довольно распространено в сыктывкарском театре. Ведь когда 26 лет тому назад был организован этот театр, драматургии Коми не существовало, и коллектив сыграл большую роль в формировании национального репертуара.

Более 20 оригинальных пьес обязаны театру своим существованием. Среди них пьеса одного из ведущих артистов театра, В. Леканова, «Сельские вечера», также поставленная в ряде театров. Немалая заслуга театра и в популяризации русской и западной классической драматургии и лучших пьес русских советских писателей.

Театр не ограничивает свою деятельность столицей республики. Нефтяники Ухты, речники Печоры, горняки Воркуты не раз видели у себя в гостях артистов Коми республиканского театра драмы.

Из последних постановок театра наиболее удачны спектакли «Гибель эскадры» А. Корнейчука и «Горькая судьбина» А. Писемского.

«Гибель эскадры». Оксана — В. Ширяева, Гайдай — Н. Шамраев.
Фото Е. Цвирнке.

Мурманск

Мурманский областной драматический театр, родившийся незадолго до войны, первыми же своими постановками — «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Враги», «Егор Булычов и другие», «Лес» — завоевал признание зрителя. Стремление к значительным, важным темам сказалось на репертуаре театра и впоследствии: он ставил «Горе от ума», «Три сестры», «Разлом», «Любовь Яровую», «В добрый час!», инсценировки «Хождение по мукам» и «Счастье». Есть на афише театра и спектакль об интервенции на Мурмане в 1918—1920 годах. Пьеса «Это было на Мурмане» написана актером театра Валерием Мининым.

Свои спектакли театр показывает и в близлежащих районах, а два раза в год выезжает в Мончегорск, Кировск, Кандалакшу, на побережье Кольского полуострова.

Сцена из спектакля «Это было на Мурмане» В. Минина.

МОЛОДОСТЬ СТАРОГО ГОРОДА

Студентки Якутского университета. Слева направо: Яна Баишева, Раиса Паутова, Раиса Мухометзянова, Селегина Елаева, Нина Ли До-чен, Анна Ли, Диана Ногинская, Людмила Макаренко, Виолетта Сузи, Альма Кундратайте.

С. МЕСЯЦЕВ

Фото Я. Славина.

В разгар зимы, когда холодное багровое солнце лишь к полудню показывается над заснеженными островами Лены, небосвод прозрачен и чист, а городские кварталы Якутска окутаны плотным туманом. Неслышно ступают валенками по обледенелым тротуарам прохожие, тусклыми пятнами едва светятся желтые кружки автомобильных фар.

Вначале вы удивитесь: откуда быть туману, когда ртуть в термометре опустилась на пятьдесят делений ниже нуля?

Но пройдитесь по морозу, и вас тотчас заставит прислушаться шорох собственного дыхания. Это шуршат мгновенно леденеющие мельчайшие капельки влаги. Выдыхаемый воздух, совсем по Некрасову,

Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей...

И теперь уже, приглядываясь к домам, заиндевевшим, окутанным облаками испарений, вы начинаете понимать природу здешнего зимнего тумана: человеческое жилье дышит, парит, не сдаваясь под натиском свирепого холода.

А летом, хоть оно и коротко в этих широтах, Якутск встретит вас раскаленной иссушающей жарой долгих солнечных дней, мягкой теплынью безветренных белых ночей. Тогда, наверное, вас потянет за город, к песчаным отмелям Лены, где можно и накупаться всласть, и загореть дочерна, и, главное, отдохнуть от въедливой, всюду проникающей уличной пыли. Летом ее в Якутске, пожалуй, не меньше, чем снега зимой.

И всегда, круглый год, не хватает воды в этом городе, расположенном на великой реке. С октября до мая тянутся от ленского берега дровни, груженные глыбами прозрачного льда. С июня до сентября скрипят по улицам телеги водовозов.

Словом, что и говорить, неприветлив на первый взгляд Якутск — один из самых крупных городов Крайнего Севера, столица автономной республики, занимающей седьмую часть всей территории нашей Родины.

Но задумаемся об исторической судьбе города, об условиях его развития — и станут понятны трудности той борьбы, которую ведет здесь человек против своеволия беспощадной стихии.

325 лет назад возник Якутский острог, основанный казачьей дружиной сотника Петра Бекетова. Годами добирались сюда царские наместники. В тревоге и смятении доносили они в Москву о суровой неподатливости здешнего края.

«А колодези, великие государи, сделать никоими мерами нельзя, потому как земля летом только тает с полтора аршина, а более двух аршин никогда не тает. А исподи на дне бывает земля вся всегда мерзла», — отписывал в 1685 году якутский воевода Матвей Крозков.

Не более удачлив оказался спустя полтора столетия и купец Федор Шергин, потративший все свое состояние на рытье колодца. Проникнув на глубину 115 метров, он и там обнаружил мерзлые породы.

Для многих поколений якутян вечная мерзлота была извечным проклятием. Стоило поставить каменный дом, как фундамент его выпучивался, стены трескались и рушились. Потому-то и строился город из дерева, и внешний облик его почти не менялся из столетия в столетие. Приземистым, бревенчатым, занесенным сугробами, дожил Якутск до самого последнего времени.

Сегодня, въезжая в город, сразу замечаешь обилие каменных домов. И на площади Ленина, и на Октябрьской, главной, улице, и в соседних с ней кварталах, и на окраинах деревянные, потемневшие от времени постройки чередуются со светлыми трех — четы-

На улицах Якутска.

рехэтажными каменными корпусами. Жилые дома, центральный телеграф, кинотеатр, республиканская больница, школы, техникумы. И хоть не встретишь пока законченных архитектурных ансамблей, но облик города в целом стал иным.

И в сегодняшнем Якутске вам покажут памятники старины. Но чтобы попасть теперь к шахте Шергина, надо миновать корпуса университета, а напротив трехсотлетней бревенчатой башни, оставшейся от стен острога, высится массивное здание филиала Академии наук.

Примечательное соседство! Оно как бы олицетворяет связь времен. В переустройстве старого города, в его социалистической реконструкции строительная техника идет рука об руку с наукой, упорно наступая на жестокого врага — вечную мерзлоту.

Не будем пока спешить на строительные площадки, тем более, что внешне стройки здесь выглядят так же, как и в любом советском городе: движутся стрелы башенных кранов, день ото дня растет кладка стен. Побываем сначала у людей, изучающих природу древнего, тысячелетнего холода, в подземной лаборатории Северо-восточного филиала Института мерзлотоведения.

Стены и потолки, искрящиеся в электрическом свете множеством светлых песчинок, не нуждаются в креплениях: просторные помещения точно вырублены в граните. Сквозь плотный, туго спрессованный песок проступают ракушки, обломки окаменевших сучьев, мутные прослойки ископаемого льда. Когда-то, очень давно, здесь было русло Лены. Потом пришедшие с севера ледники на тысячелетия заморозили мягкие речные наносы. Они и сегодня крепки, будто камень.

Вечномерзлые породы, залегающие в глубину на сотни метров, простираются на огромных территориях Сибири, Прибайкалья, Якутии. Около двадцати лет работают в республике ученые-мерзлотоведы. Трудами их найдены источники подпочвенных вод, определены основные инженерные принципы в сооружении каменных зданий на вечной мерзлоте. Строители города с уважением и благодарностью говорят о покойном профессоре Михаиле Ивановиче Сумгине, о его учениках и последователях.

Теперь пора заглянуть и на стройплощадки. Стоит присмотреться внимательно к новым каменным зданиям, и сразу бросится в глаза одна характерная особенность — отсутствие фундаментов. Всюду под основаниями домов имеется пространство, отделяющее каменные массивы от земли. Но, разумеется, дома не висят в воздухе. Они опираются на железобетонные сваи, глубоко закопанные в грунт.

Достав из кармана блокнот, директор треста «Якутстрой» Е. Л. Жорницкий набрасывает карандашом простенькую схему:

— Возьмем обычный фундамент. Для него роют котлован, раскрывают вечную мерзлоту. Когда дом на фундаменте выстроен и заселен, он начинает излучать тепло, вечномерзлые породы оттаивают, выпучиваются. Отсюда и трещины и разрушения... Теперь заменим фундамент свайными железобетонными опорами. Каждая такая опора опускается на глубину шести метров. Предварительно мерзлоту пропаривают паровыми иглами, потом, когда опоры опущены, порода смерзается вновь. Между поверхностью земли и основанием дома оставляют небольшой зазор, — мы называем его «проветриваемое подполье». Тепло, излучаемое зданиями на сваях, уже не распространяется в глубину. Каменные дома в несколько этажей покоятся на надежных неподвижных опорах. Строить таким способом и удобно, и дешево, и быстро.

— Дешево и быстро?

— Именно. Не надо тратить времени и сил на рытье котлованов. Экономятся и материалы. Ведь сваи-то в сравнении с фундаментами куда легче по весу, меньше по объему.

Новые методы, широко примененные трестом «Якутстрой», позволяют вести стройку круглый год. Восьмимесячная зима не помеха бетонщикам и каменщикам. Железобетонные опоры изготавливают в утепленных, закрытых помещениях. По собственной, якутской, рецептуре составляется особый цементный раствор, надежно скрепляющий кирпичи при самых низких температурах.

Вообще суровый климат ставит немало преград строительству. Например, канализацию, которой оборудуются новые дома, приходится снабжать специальным обогревом.

А как сложно наладить в Якутске водоснабжение! Мало построить насосную станцию на Лене и проложить трубы в утепленных траншеях. Надо еще не раз подогревать ленскую воду на ее пути от реки до города. Иначе замерзнет!

Сегодня ленский водозабор — одна из важнейших строек Якутска. Скоро она будет завершена, и горожане получат в изобилии отличную питьевую воду.

Строительство и благоустройство города проникнуто большой государственной заботой о будущем его жителей.

Якутск становится крупным культурным центром. Среди 1 200 студентов университета представлены народности, недавно еще знавшие только кочевую жизнь охотников и оленеводов. Из далекого Средне-Колымска приехала сюда учительница-якутка Анна Слепцова, чтобы получить высшее педагогическое образование. Уроженец Вилюйска, юноша-якут Геннадий Борчахов, избрал специальность историка. Эвенка Мария Лиханова решила стать биологом, эвенк Роман Атласов — географом, якут Николай Макаров мечтает о дипломе инженера.

Большой спрос на молодых специалистов предъявляет растущее народное хозяйство республики. Геологи, горняки и строители, которых готовит технический факультет, будут работать на золотых приисках Алдана, оловянных рудниках Яны, на угольных шахтах Сангар, начнут осваивать недавно открытые алмазные россыпи и месторождения природного газа.

Зоотехников и ветеринаров для колхозов и совхозов готовит сельскохозяйственный факультет. Биологов и географов, историков и педагогов — факультеты естественный и гуманитарный.

Хоть университет в Якутске и молодой — только в прошлом году проведен первый набор,— но на экзамены сюда съехалась молодежь и со всей республики и из соседних областей Сибири.

Подготовка кадров местной интеллигенции неотделима от содержательной и разносторонней научной работы, которую ведет в Якутске большой коллектив ученых, объединяемый филиалом Академии наук.

— Кому не известно нынче, что за Полярным кругом у нас из года в год собирают богатые урожаи картофеля, капусты, разных овощей, — говорит председатель президиума филиала, профессор В. П. Дадыкин, вспоминая совхозы и опытные станции Колымы, Таймыра, Кольского полуострова, хорошо знакомые ему по прошлой работе в качестве агронома.— Мичуринская агробиологическая наука должна понять, объяснить законы, управляющие жизнью растений на Крайнем Севере.

Как получают растения воду и питательные вещества из холодных почв? Этим вопросам В. П. Дадыкин посвятил труд, удостоенный премии имени Тимирязева. Ценные открытия сделаны Всеволодом Петровичем и его сотрудниками после недавних опытов в Якутске и Тикси, где изучалось усвоение растениями энергии солнечного света. Оказалось, что чем севернее находится растение и чем холоднее почва, тем интенсивнее поглощаются растениями солнечные лучи.

Плодотворно работают якутские историки и языковеды. Интереснейшие раскопки ведут археологи на берегах таежной реки Амги.

Помыслы ученых, их творческие планы устремлены и в будущее.

Как обжить, заселить пустынный пока еще бассейн Вилюя — родину якутских алмазов? По следам геологов-первооткрывателей на Вилюй и его притоки отправилась комплексная экспедиция Якутского филиала Академии наук.

У старого города на Лене завидная судьба. Пережив века захолустного прозябания, он теперь с каждым годом молодеет, крепнет, растет, согретый животворным дыханием нашего стремительного времени.

Это было в Манзурке...

...Таежное село Манзурка по одному из иркутских трактов. Здесь некогда жила большая группа большевиков–ссыльных.

В один из вечеров, как и обычно, за столом при свете коптилки заседала «военная академия»: большевики изучали военное дело, теорию и тактику. Лектор-ссыльный излагал военную доктрину эпохи войн и революций. Неожиданно в окно застучали. Вошел человек и, задыхаясь, спросил:

— Здесь живет доктор? Помогите, сынишка заболел... Спасите...

— Далеко ли? — спросил доктор из ссыльных Федор Николаевич Петров, коренастый, с окладистой бородой человек.

— В селе Баяндай, верст шестьдесят будет...

Быстро были найдены лошади и старая пролетка. Доктор собрал инструменты и, захватив с собою друга по ссылке Иосифа Карловича Гамбурга, направился к пролетке. Но возницы не оказалось на месте. В «кучера» напросился один из ссыльных — тот самый, который выступал с лекцией по военным вопросам. Это был Михаил Васильевич Фрунзе.

— Люблю лошадей,— сказал он,— быстро домчу вас...

Мальчик двух лет, сын ссыльного поселенца Дрямова, оказался в тяжелом состоянии. Требовалось немедленное оперативное вмешательство. Доктор в присутствии своих друзей успешно сделал операцию, и опасность, угрожавшая жизни ребенка, миновала.

Фотография тех лет, сделанная отцом заболевшего ребенка Дрямовым, запечатлела момент отъезда доктора и его друзей после благополучной операции. На редком снимке вы видите ссыльных: в пролетне — И. К. Гамбург, член КПСС с 1904 года, активный участник гражданской войны, сейчас — персональный пенсионер; рядом с ним — Федор Николаевич Петров, старейший большевик, член партии с 1896 года, советский ученый, 50-летний юбилей деятельности которого был недавно отмечен общественностью; Федор Николаевич, член Главной редакции БСЭ, и сейчас плодотворно работает, несмотря на свои 80 лет.

Федор Николаевич, увидев сейчас эту фотографию, сообщил, между прочим, что в 1935 году его посетил бородатый сибиряк, назвавший себя Дрямовым. Это и был тот самый мальчик, жизнь которому спас ссыльный доктор Петров. С большой теплотой благодарил Дрямов Петрова и передал благодарность своей матери, которая, кстати говоря, заснята у пролетки.

На облучке, с мешком овса под ногами, сидит «кучер» — М. В. Фрунзе.

Манзурка, куда были сосланы М. В. Фрунзе и другие большевики, стала политическим центром ссыльно-поселенцев района.

Удивительную энергию проявлял М. В. Фрунзе в ссылке. Он создал так называемую «военную академию», где готовились кадры большевиков-боевиков. Вместе с тем он занимался и такими делами, как устройство столярной мастерской для ссыльных, организация самодеятельного хора, концертных выступлений. Хор исполнял революционные песни, в том числе и написанную Михаилом Васильевичем.

Вот эта песня:

Свобода, свобода! Одно только слово,
Но как оно тело и душу живит!
Ведь там человеком стану я снова,
Снова мой челн по волнам побежит.
Станет реять и гордо и смело,
Птицей носиться по бурным волнам.
Быть может, погибнет? Какое нам дело —
Смерти ль бояться отважным пловцам!

Нельзя без волнения смотреть на эту фотографию, где запечатлены люди, творившие революцию и отстаивавшие ее завоевания.

Г. БРАГИЛЕВСКИЙ

ВЕТЕР

Василий ВЛАСОВ

Сил не трать впустую, ветер, в поле
Заметая снегом дальний путь...
Ты своей нам не навяжешь воли,
В наше сердце холод не вдохнуть!

Поезда идут тебе навстречу,
Пар бросая на снега долин,
И повсюду, как у нас в заречье,
Ты уже теперь не властелин.

Путь пробит с размахом небывалым
Через пояс вечной мерзлоты.
Видишь, рельсы тянутся по шпалам
До полярных вод, до Воркуты!

Ожила, помолодела тундра.
Видишь, сколько светится огней!
И тебе уже сиянье утра
Никогда не погасить над ней.

Перевел с коми языка Н. КУТОВ.

Два стихотворения

Алексей ПИЧКОВ,

Василий ЛЕДКОВ

НЕНИКО

— По глади озер куда ты
Едешь, Ненико!

— Видишь там холм покатый!
Еду я далеко.

— Чей чум за холмом покатым!
Чье стадо за тем холмом!

— Мой милый, что был солдатом,
Недавно стал пастухом...

И нет у меня вопросов,
И стало мне нелегко...

Как на солнце блестят твои косы,
Ненико!

* * *

Пимы покрыты легкой пылью снежной,
Играет луч на лезвии ножа.
Снимаю шкурку с белым мехом нежным,
Снимаю осторожно, не спеша.

Играет ворсом ветер духовитый...
Я рад добыче, сердцу горячо.
Песец мой, синим бисером обшитый,
Красиво ляжет на ее плечо.

Молодые ненецкие поэты А. Пичков и В. Ледков учатся в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена, пишут стихи вдвоем на русском языке.

Интернат в Нексикане

Интересно работать на токарном станке. На снимке: преподаватель И. В. Рякин, ученики Толя Савченко и Катя Седалищева.

Фото Я. РЮМКИНА.

Зимой, когда так не хватает солнечного света, особенно приятно погреться под искусственным «электрическим солнцем». Школьник Сережа Королев принимает солюкс в медицинской комнате интерната.

С утра и до вечера горит электрический свет в классах и мастерских нексиканской школы-интерната. Очень уж коротки зимние дни в Нексикане— небольшом поселке, расположенном в бассейне Верхней Колымы, в глубине Магаданской области.

Ребята, которые учатся и живут здесь, не избалованы климатом. Все сто двадцать учеников школы-интерната — уроженцы Колымы, Чукотки, коренные северяне. Тут можно встретить маленьких чукчей, орочей, эвенов, чьи отцы охотятся в тайге и кочуют с олеными стадами по тундре; русских, украинцев, белорусов — детей рабочих с отдаленных золотых приисков «Дальстроя». Школа-интернат не случайно создана именно в Нексикане. В этом поселке, где расположено одно из геологических управлений «Дальстроя», много интеллигенции. Исследователи колымских недр дружат со школьниками, часто приходят к ним в гости. Геологи и горняки немало помогли в оборудовании школьных мастерских, в подборе библиотеки. И теперь ребята с увлечением работают на токарном, фрезерном, сверлильном станках, разбирают и собирают автомо-

Свежие яблоки в разгар суровой колымской зимы! В столовой интерната за утренним чаем. На переднем плане — Нина Протопопова и Вера Канкасова.

бильный двигатель, учатся столярному делу. Летом под незаходящим солнцем в школьной теплице выращивают помидоры, капусту.

Дружно работает небольшой коллектив учителей во главе с опытным педагогом-ленинградцем Евгением Михайловичем Ульманом. Вместе с педагогами—старожилами Колымы ведут преподавание и молодые учителя, недавние выпускники вузов.

С. ЛЮСИН

→

Порфирий Суздалев, сын оленевода из совхоза «Челбанья», и Валя Иванов, сын моториста с золотого прииска «Большевик», в столярной мастерской интерната.

Молодая учительница, выпускница Ульяновского педагогического института Л. Б. Дивногорская ведет урок английского языка. На переднем плане — сын оленевода Иннокентий Суздалев.

Для здоровья полярников

На зимовку в Арктику, в порты и на предприятия Севера ежегодно отправляются сотни ученых, врачей, педагогов, инженеров, техников, мастеров, рабочих. В далеком Заполярье немало людей, работающих здесь 15—20 лет.

Как же резкая перемена климата, условия труда, быта и отдыха сказываются на здоровье приезжих? Отражается ли пребывание в Арктике на развитии детей?

С этими вопросами корреспондент «Огонька» обратился к начальнику отдела полярной медицины Главсевморпути Б. Шворину.

— Конечно, человеческий организм не безразличен к условиям сурового северного климата,—говорит Б. И. Шворин.— Это налагает на врачей-полярников особую ответственность.

В Академии медицинских наук создана специальная комиссия по проблемам акклиматизации населения в арктических условиях. Комиссию эту возглавляет вице-президент академии Ф. Г. Кротков.

Мы посылали в Арктику несколько научных экспедиций. Они анализировали общую и детскую заболеваемость, разработали рационы питания, обследовали гигиеническое состояние жилищ, создали опытные образцы климатической одежды. Указания участников экспедиций учитываются при планировке поселков, строительстве жилищ и предприятий.

Медицинская помощь на Севере дифференцирована. В амбулаториях и больницах работают врачи разных специальностей: хирурги, терапевты, гинекологи, педиатры, стоматологи. Больные пользуются всеми видами физиотерапии, электролечения, рентгеном. Врачи занимаются также большой научно-исследовательской работой, накапливая материал для обобщений и выводов.

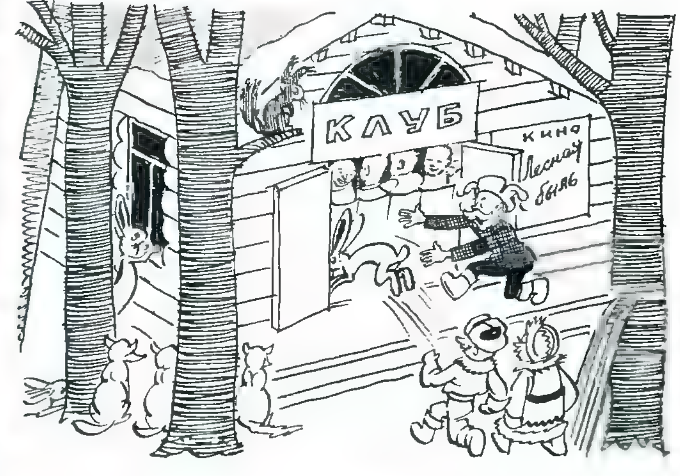
Неустанная забота государства об охране здоровья полярников привела к резкому снижению заболеваемости. Бич полярников царской России — цинга ушла в далекое прошлое. Инфекции встречаются в исключительных случаях. Некоторых же болезней — обмораживание, гипертония — значительно меньше, чем в средних широтах. Нередки простудные заболевания: грипп, ангина, радикулит, ревматизм. В наиболее отдаленных пунктах Арктики, где вместо воды зимовщики пользуются талым снегом, распространены болезни зубов. Объясняется это отсутствием в талой воде фтора, который предохраняет зубы от болезней.

Если зимовщик, находящийся в самом далеком уголке Арктики, заболевает, к нему немедленно посылается врач на санитарном самолете. Врач-полярник должен быть готовым к исполнению своих обязанностей в любых условиях, в любой обстановке.

Для примера приведу случай, который произошел на станции Северный полюс-5. У одного из научных сотрудников обнаружился аппендицит. По условиям погоды эвакуировать больного на материк было невозможно. Находящийся на дрейфующей льдине опытный хирург Г. Соловьев успешно сделал операцию. Больной на восьмой день приступил к работе.

Несколько слов о детской заболеваемости.

Рождаемость в Арктике выше, а детская смертность ниже, чем на Большой земле. В далеком Заполярье дети поставлены в особенно благоприятные условия. Большое внимание обращено на питание: разработаны возрастные рационы, пища обильно витаминизируется. В крупных населенных пунктах имеются молочные хозяйства и теплицы, в которых выращиваются овощи. Для предупреждения рахита детей облучают кварцевыми лампами.

ДЕРЖИ ЗАЙЦА!..

Рис. Ю. Черепанова.

Все флаги в Игарке...

У причалов — иностранные суда.
Фото автора.

Трудно сразу сосчитать все суда в порту. Одно, второе, третье, десятое...

Вот черно-белый корпус громадного «Харькова». Он пришел за лесом из Ленинграда. Рядом белоснежный, точно нарисованный лайнер «Сельма Нимтц». Он недавно был спущен на воду в ФРГ и стоит у причала так, будто боится замарать борта. Около него норвежский корабль «Сандли». Этому дряхлому старику явно невыгодно соседство молодого лайнера-красавца.

«Коррниер», «Харпалион», «Элизабет Янсен», а дальше уже трудно читать названия судов: их много.

Сюда, в Игарку, почти за семьсот километров от моря, в великолепную речную гавань могут входить морские суда любого тоннажа.

Причалы забиты лесом. Лязгают цепи, шумят лебедки, слышатся громкие выкрики: «Вира!», «Майна!». Четко, словно по расписанию, вихрем проносятся длинноногие автолесовозы. У них под брюхом желтеют доски. Погрузка идет быстро. Один за другим золотисто-желтые пакеты падают в трюмы.

Откуда же столько леса в Игарке?

«Правда Севера», маленький и старенький буксирный пароходик с непомерно большой трубой, везет нас по протоке. Плотам не видно конца-краю. Лесные потоки текут в Игарку с Ангары.

Вот идет огромный плотокараван. В нем двадцать четыре тысячи кубометров. Плот растянулся на семьсот метров. Он так широк, что на нем стоят дома. Такой гигант впервые прибыл сюда. Но мощный Игарский лесокомбинат даже и такую громадину может распилить за несколько дней.

Звонкая, золотая, чудесная — так зовут здесь ангарскую сосну. Она славится на весь мир. Недаром со всего света идут в Игарку торговые корабли. Начало этому было положено очень давно. Еще в 1877 году шхуна «Утренняя заря» с командой всего в пять человек впервые в истории пошла с востока на запад, от устья Енисея в Европу. Толпы народа в Норвегии, Швеции, Финляндии и Петербурге с уважением встречали русских моряков-героев. Весть об этом облетела мир, и знаменитый Норденшельд воскликнул: «Да рассеет «Утренняя заря» мрак, который до сих пор препятствовал верному суждению о судоходстве в Сибирь!»

С тех пор много иностранных моряков побывало в Сибири. В порту Игарки встретишь людей из разных стран, с разными характерами, с разными судьбами.

С Гансом Шоманом, старшим радистом с немецкого дизель-электрохода «Сельма Нимтц», мы познакомились на стадионе, где он вместе со всеми кричал игарскому нападающему:

— Тафай! Тафай!

Самые заядлые болельщики — игарские ребята — окружили Ганса Шомана. Многие из них знают немецкий язык. Миша Козлов, ученик 4-й школы, перевел ребятам, что радист поплывет отсюда в Африку, Индию, а потом в Японию.

Странно было видеть здесь, на далеком Севере, откуда до полюса рукой подать, рослых, обожженных солнцем негров Африки. С широко раскрытыми глазами ходили они по городу, радостно отвечали на приветливые улыбки игарцев и удивлялись, удивлялись...

В клубе иностранных моряков я встречался с мистером Мохамедом — негром из Британского Сомали. В течение недели ежедневно он приходил без одной минуты пять, к открытию, занимал самое видное место и сидел до закрытия ресторана.

— Ни в одном порту мира я не чувствую себя так легко и свободно, как у вас, — сказал он. — Нигде ко мне так хорошо не относятся, как здесь. Со мною здороваются, мне улыбаются, а официантки обслуживают меня первым.

Ганс Шоман среди игарских школьников.

Этот негр — бывший военный моряк, заслуженный человек. Английский корабль, на котором он плавал во время второй мировой войны, был торпедирован. Мохамед потерял левый глаз.

Сейчас он кочегар на пароходе.

Я хотел сфотографировать собеседника, но Мохамед попросил этого не делать, подарив открытку на память о его родине.

— За советскую фотографию могут уволить, а у меня семья. Правда, я вижу ее раз в три — четыре года. Но что поделаешь, деньги...

В биллиардной клуба коренастый матрос-иностранец, бросив кий, протягивает своему партнеру руки. Большие и сильные, они тщательно вымыты. Но нельзя смыть мозоли рабочего, масло и металлическую пыль, плотно засевшую в трещинах кожи и под ногтями. На правой руке нет двух пальцев.

Он, горячо жестикулируя, что-то говорит собеседнику. Тот понимающе кивает: летчик, летал на транспортном самолете, возил продовольствие. Все это объясняется быстро, почти без слов. Жесты, кивки.

Мимо клуба по гулкой деревянной мостовой проносится автобус — это молодежь лесокомбината возвращается с гулянья. Над затихшими улицами, уходящими вдаль к незасыпающему Енисею, летит песня о Москве, «огнями залитой».

Я смотрю на часы. Час ночи — в Москве девять. Она действительно сейчас залита огнями.

В. ПЕКЕЛИС

Над тундрой и тайгой

Братья Валерий Ильич и Ариан Ильич Кузьмины у себя дома.
Фото Р. Яковлева.

Дежурный диспетчер Якутского аэропорта взволнованно говорил командиру:

— Сел Кузьмин на Яне. Все-таки сел! А погодка там сейчас... Видимости никакой.

— Я не сомневался, что сядет. На то он и Кузьмин,— улыбнулся командир и добавил: — Завтра на Мому полетит, на Неру.

На широкое заснеженное поле тем временем опускались «Илы» с пассажирами из Москвы и Магадана, взлетали тяжело груженные «ЛИ-2», уходя очередными рейсами на Алдан, Усть-Маю, Тикси. Рулили к своим стоянкам легкие бипланы с красными крестами, подкатывали санитарные машины, чтобы принять больных, доставленных из далеких таежных наслегов. Словом, был обычный летный день.

Не беда, что в Якутске зимой светлое время измеряется всего тремя — четырьмя часами. Трудовой день летчиков Крайнего Севера при любой погоде продолжается круглые сутки.

Потому-то и не сомневался командир, что пилот Кузьмин сумеет вылететь так же точно по расписанию, так же уверенно, как он только что совершил посадку в тумане и темноте.

Через два дня мы встретились в Якутском аэропорте с самим Валерием Ильичом Кузьминым, который возвратился теперь уже с берегов Индигирки.

Плотный, коренастый, он легко сбегал по лесенке из кабины, приветливо улыбаясь всем своим широкоскулым смуглым лицом:

— Ну и тепло здесь, дома-то... благодать!

В Якутске было минус тридцать пять. После шестидесятиградусных морозов, испытанных Кузьминым близ «полюса холода», это, конечно, сущие пустяки. Из-под расстегнутой меховой куртки пилота проглядывал синий китель, украшенный двумя «миллионерскими» значками.

В который уж раз возвращается так вот Валерий Ильич в свой родной город, где живет много лет вместе с младшим братом, Арианом,— ученым, сотрудником филиала Академии наук СССР!

Якутский аэропорт вырос в крупнейший узел воздушных путей Севера. В города Сибири и в Москву, на охотское побережье, Чукотку, к ледовому морю Лаптевых проложены авиалинии, действующие круглый год. Десятки тысяч пассажиров, тысячи тонн самых разнообразных грузов перевозят летчики Крайнего Севера, среди которых уже немало «миллионеров».

Первый в республике пилот-якут Валерий Ильич Кузьмин заканчивает сейчас налет третьего миллиона километров.

С. ФЕДОРОВ

Из почты «Огонька»

НЕРПА

Быль

Ф. ШИПИЛОВ

Заядлые охотники, как правило, владеют даром рассказчика, хотя, надо признаться, иногда любят немножечко приукрасить... Ну, да без этого не обойтись.

Я, правда, не отношусь ни к числу заядлых охотников, ни тем более к разряду занимательных рассказчиков. Но если уж вы так просите, то расскажу одну любопытную арктическую историю.

Где это было? Да в Северном Ледовитом океане. То есть не в самом океане, а на одной из дрейфующих научно-исследовательских станций «Северный полюс...» Не стоит говорить, на которой из них.

Был среди участников дрейфа один заядлый охотник, комендант аэродрома Воропай Афанасьевич Будякин. И жену он воспитал как бесстрашную охотницу, ходившую вместе с ним даже на белых медведей.

История, о которой я хочу рассказать, приключилась на ледяном аэродроме, куда мы только что высадились. На основную льдину мы еще не попали и на аэродроме еще не устроились как следует.

Сидим в палатке с начальником станции и ведем беседу о том, о сем. На улице собачий холод, да и в палатке не жарко: под потолком уши горят, а на столе в кружке вода замерзла. Вдруг дверь открылась, и в проем просунулась голова без шапки, с всклокоченными волосами, небритым лицом и горящими глазами.

— Николай Артамонович, разрешите убить нерпу? Она совсем недалеко, за торосами.

На дрейфующих станциях существует железный закон: ни один человек не может отлучиться из лагеря даже на сто метров без разрешения начальника станции.

— Пожалуйста, если это действительно недалеко,— последовал ответ начальника станции.

Комендант аэродрома, а это был он, так же стремительно скрылся, как и появился. Было слышно, как он бежал, щелкая на ходу затвором карабина.

Меня, фенолога, появление нерпы сильно заинтересовало: как она могла пробраться в наши пустынные места? Если не ошибаюсь, на дрейфующих станциях никому еще не удавалось убить нерпу.

Не выдержав, я вылез из палатки и побежал за комендантом, а он, поманив меня пальцем к торосам, у которых стоял, показал, в каком направлении лежит нерпа. Видимость, правда, была неважная: все сливалось на белом фоне, как в молоке, но вдали, за грядой невысоких торосов, действительно лежала нерпа. Всякие сомнения отпали.

— Воропай Афанасьевич,— обращаюсь я к охотнику,— не забывайте, что нерпа исключительно осторожна. Малейший шорох—и только вы ее и видели! Камнем свалится обратно в лунку. Без маскировочного халата на выстрел не подойти. Даже белый медведь иногда крадется к нерпе часами, закрывая при этом лапой черные пятна глаз и носа.

Мои советы были приняты. Комендант заметался от одной палатки к другой в поисках чего-нибудь белого. О появлении нерпы узнал весь лагерь. Всюду шли оживленные разговоры.

— Бросьте разыгрывать меня! Какая там еще нерпа! — говорил врач станции с явным раздражением.

— А ведь это здорово, ребята, черт возьми! Теперь мы будем с чудесной мазью для сапог. Из нерпичьего сала промышленники на Новой Земле приготовляют самую лучшую мазь! — с восторгом говорил гидролог, обувь которого, больше чем у других участников дрейфа, страдала от морской воды.

— Будет нашей собачке чем полакомиться,— проговорил один из любителей животных.

— Ей одной этой нерпы хватит надолго,— подданнул кто-то.

С молчаливого согласия решили, что шкура нерпы, конечно, достанется самому охотнику.

Метеоролог, перебивая других, пытался завладеть разговором:

— Что ни говорите, а отведать нерпичью печенку было бы недурно. Это настоящий деликатес!

Овладев вниманием слушателей, он продолжал горячо и убедительно:

— Лучше всего ее готовят так. Вначале слегка обжаривают на раскаленной сковородке, предварительно сняв пленку. Потом ставят в духовку тушиться до мягкости. Чтобы печенка приобрела особую пикантность, ее приправляют жареным лучком. Для соуса берут две—три ложки топленого масла и поджаривают в нем белую муку и добавляют прямо на сковородку томата-пасты... Ну, скажу вам, братцы, вы такого в жизни не едали! Настоящее королевское блюдо!

А в это время комендант аэродрома, не найдя ничего маскировочного, махнул с досады рукой и, подогретый нестерпимым охотничьим азартом, ринулся по направлению к нерпе, забыв в отчаянии о мерах предосторожности.

Вслед ему продолжали лететь наставления и советы:

— Стреляй только в голову, чтобы наверняка!

— Смотри не торопись!

— Будь осторожней!

Но охотник двигался, словно под гипнозом, и был глух, как глухарь во время своей весенней песни. Он перебегал короткими дистанциями от тороса к торосу, плюхался камнем на лед и замирал, с опасением поглядывая на нерпу. То делал стремительные

прыжки, словно трепетная лань, то медленно полз на животе, прижимаясь к снегу, хитро, по-медвежьи. Во всем чувствовалась незаурядная охотничья сноровка. Да! Это был стреляный воробей!

А нерпа спокойно лежала, дразня охотника.

Чем ближе подкрадывался он к нерпе, тем больше волновался. Вдруг нерпа зашевелилась. Комендант замер. «Ждать больше нельзя,— подумал он.— Ближе, пожалуй, не подпустит». И, тщательно прицелившись, выстрелил.

Не успел отзвучать гул выстрела, как мы услышали крик, полный неизъяснимой радости и гордости:

— Убил! Убил! Убил!

На крик из палаток выскочили гидролог, врач и метеоролог, который только что сомневался, действительно ли обнаружена нерпа или его разыгрывают.

Вскоре последовал второй выстрел. Настоящий охотник в особо важных случаях обязательно делает его, чтобы не рисковать добычей.

— Вот это охотник! Ну, молодчина! — раздавались возгласы.— Наповал!

Что и говорить, мастер своего дела!

Все были рады и восхищены не менее охотника. А он, словно на крыльях, несся к добыче. За комендантом гуськом, обгоняя друг друга, спешили гидролог, врач, метеоролог и другие полярники. Пробежав немного, они остановились и, повернувшись в сторону лагеря, стали кричать, чтобы кто-нибудь захватил нарту для перевозки нерпы.

Но вот комендант замедлил бег и, наконец, остановился, озираясь по сторонам. И в это же мгновение раздался гомерический хохот тех, кто бежал вслед за охотником. Вместо нерпы в руках его был... лист оберточной бумаги.

Валяясь на ослепительно ярком снегу, бумага казалась издали почти черной. Ветерок изредка колыхал ее, и создавалось полное впечатление живой нерпы.

Посрамленный охотник возвращался в лагерь, машинально продолжая держать в руках бумагу, а навстречу ему неслось:

— Не тяжела ли нерпа? Не помочь ли?

— Хороша ли шкура?..

Гидролог, подобрав бумагу, брошенную наконец комендантом, хохотал:

— Смотрите, да он и в бумагу-то не попал: обе дырочки прорвал пальцем!..

Вот, собственно, и вся история с охотой на нерпу. Если вы встретите когда-нибудь нашего коменданта, то боже упаси вас завести разговор на охотничьи темы.

Дрейфующая станция «Северный полюс-6».

Рис. Е. ГУРОВА.

ДВА БРАТА И БОГАЧ

Чукотская сказка

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Когда-то в глубокой тундре богач жил. Большое стадо оленей у него было. Сам он не пас оленей, сидел только в теплом пологе, на мягких шкурах, густой чай пил, оленьи мозги, языки и жирные грудинки ел.

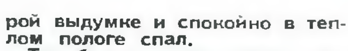
Стадо его росло, сам он жирел и в гости ездить любил.

Были у него в табуне пастухами два брата. Еще подростками были взяты, да так и выросли при табуне. Когда они были маленькими, обижали их все; сам хозяин обижал и еще больше — старшие пастухи.

Где какой олень от стада отбился, так и бегут братья за оленем. Чуть где что покажется, опять братья бегут посмотреть, не волк ли.

Выросли братья. Добрые пастухи из них стали. Хорошо они знали тундру. Летом к морю спускались, а в гололедицу в глубь тундры уходили. Никогда их стадо под снеговые обвалы не попадало. Знали, где в пургу укрыть табун от непогоды. Хозяин скупой и хитрый был, не давал пастухам ни палатки, ни яранги: заснут пастухи — волки на оленей нападут. Урона много будет. Чайника пастухам тоже не давал: нечего приучать молодых пастухов чай распивать — подрастут, работать не будут.

Так два брата пастушили. Зимой в пургу, в темную дождливую ночь и в пасмурный день вокруг табуна ходили. А богач смеялся своей хитрой выдумке и спокойно в теплом пологе спал.

Так братья при табуне выросли. Ничего хозяин им не платил, только юколу да объедки мяса и обноски давал.

Богач никуда братьев из табуна не пускал. Но они слышали, что береговые чукчи прогнали богачей, взяли себе оленей и в колхозы объединились.

Раз хозяин в табун приехал забивать молодняк на одежду. Стали табун перегонять через речку; все олени прошли, только совсем маленький олененок на берег не успел выпрыгнуть. Столкнули его другие олени, и он в речку упал.

Старший из братьев бросился в ледяную воду, но не мог олененка спасти. Хозяин рассвирепел, ударом кулака столкнул пастуха в речку, ногой на грудь ему наступил. Пастух сперва вырывался, потом пузыри пускать начал. Младший брат оглянулся и на богача кинулся. Оттолкнул его и брата еле живого вытащил. Богач сказал тогда:

— Убирайтесь из табуна, вы мне больше не нужны!

Утром братья пришли к богачу в ярангу и сказали:

— Мы уходим!

Богач ничего не ответил и не поднял глаз, как будто никого в яранге не было. Тогда братья громко сказали:

— Мы поделили стадо на три равные части: одна—тебе, а две — нам!

— Уходите вон, собаки! Стадо мое, я вас с малых лет кормил, неблагодарные!

— Это верно, мы выросли в твоем табуне, но что мы там имели? Ты хоть раз, хоть одну ночь пас свое стадо? Ты жирел, стадо твое росло, а мы за свою жизнь горячей пищи не ели!

— Ладно,— сказал старший брат,— мы пришли тебе сказать, что твое стадо без пастухов осталось!

— Оставайтесь,— сказал тогда богач,— я вам палатку дам, пастухов прибавлю и, если заслужите, жению вас обоих!

Засмеялись братья и ушли со своим стадом в колхоз к приморским чукчам.

Из сборника «Сказки народов Северо-востока». Магадан. 1956.

Зверь с Большой земли

В домике нашей полярной станции завелись мыши. Они проникали в подполье из тундры, начинавшейся прямо за порогом.

— Мышеловки не помогают. Опять два мешка прогрызли,— сокрушался завхоз.— Видно, товарищи, без кошки не обойтись.

А где ее взять на Крайнем Севере? Для местных жителей — чукчей и эскимосов,— знающих из домашних животных лишь ездовых собак да оленей, кошка — диковинка.

Навигация закончилась, пароход мог прийти только через десять месяцев. К счастью, из управления сообщили, что к нам направляется самолет с оборудованием. Мы немедленно отправили радиограмму с просьбой прислать кошку.

И вот появился новый зимовщик — сибирский кот Васька. Красавец! Дымчатый, с белой грудью и зелеными, точно светофоры, глазами. Он умел служить по-собачьи, подавать лапу, прыгать через подставленные руки или палку и даже «умирать»: кот по команде валился на бок, вытягивал лапы и закрывал глаза.

С первого дня Васька стал общим баловнем. Но больше всех был доволен завхоз: мыши не смели и носу показать в кладовке.

Слух о том, что на полярную станцию доставлен кот Васька, быстро распространился по округе. В воскресенье смотреть «зверя с Большой земли» явились школьники из соседнего поселка. Кота вынесли на крыльцо и здесь, как на открытой эстраде, заставили проделать всю программу.

Маленькие чукчи и эскимосы громко выражали свой восторг, после каждого номера хлопали в ладоши. Радуясь такому успеху, завхоз погладил усатого артиста. Довольный кот замурлыкал. Это привело собравшихся в совершенное изумление. Всем захотелось потрогать Ваську. А кот терся о протянутые к нему со всех сторон руки и мурлыкал.

— Он рассказывает сказки,— говорили ребята, многие из которых читали Пушкина и помнили о зеленом дубе, стоявшем у лукоморья, и о коте на золотой цепи. Теперь этот сказочный зверь явился перед ними воочию.

Школьники так и разошлись бы, унося о встрече самые приятные воспоминания, если бы не одно обстоятельство, испортившее дело. Когда кот, сидя на скамейке, начал приводить себя в порядок, сквозь толпу ребят пролез прибежавший с ними большой пегий щенок и

бросился к Ваське. Должно быть, разделяя общий восторг, он хотел выразить свое расположение пушистому незнакомцу. Но Васька понял щенка по-своему: он привстал на скамейке и принял оборонительную позу. И вот вместо ласково напевающего, грациозного существа перед ребятами горбатое страшилище со вздыбленной шерстью и дико сверкающими глазами. Кое-кто из самых маленьких начал пятиться от крыльца. А любопытный пес не отступал. Зажмурившись, должно быть, для храбрости, он тянулся мордой к неведомому зверю. Тогда Васька, совсем уж невежливо, ударил его лапой по носу. Сердито фыркнув и распушив хвост, кот прыгнул в сторону, в одно мгновение забрался на крышу дома и уселся там, не спуская горящих глаз с перепуганного щенка.

Желая успокоить своего любимца, завхоз полез за ним по приставной лестнице, но впопыхах забыл снять рукавицы, сшитые мехом наружу. Разгоряченному Ваське, очевидно, показалось, что к нему подкрадываются два страшных хищника, готовых схватить его. Кот снова ощетинился, и вдруг зазвучал такой душераздирающий концерт, что не только собачонка, но и половина зрителей пустилась наутек. Завхоз от неожиданности чуть не свалился с лестницы.

С тех пор Васька еще больше прославился. О нем узнали чуть ли не на всем побережье и сочинили даже сказку: будто бы кот мог превращаться в зверя с рогами оленя и клыками моржа, легко одолевающего белого медведя.

Н. СЕРПОВСКИЙ

ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Как лягушка верхом ездила

В один теплый день у воды сидела лягушка. Она увидела водяную крысу и сказала:

— Эй, ты, подойди ко мне! Сегодня очень хороший день, у меня появилось желание прокатиться на тебе верхом.

— Ну, ладно, садись.

Лягушка села верхом на водяную крысу и запела:

— Бах-бах![1]
Лягушкой я являюсь,
На высокой спине крысы катаюсь:
С копьем из осоки-травы,
С мечом из озерной травы,
Еду-еду я, ребятушки:
Алдан, Амга — страна моя!
Сола, Татта[2] — родина моя!

Так с песней, довольная, ехала она на спине водяной крысы.

Потом лягушка сказала крысе:

— Теперь ты брыкайся, как конь,— и ударила ее травинкой.

Водяная крыса стала брыкаться, подскакивать, и лягушка с криком «Бачах! Тарас-марас!»[3] шлепнулась на землю.

С тех пор лягушка больше не ездит верхом.

[1] Звукоподражание, имитирующее кваканье лягушки.
[2] Реки.
[3] «Бачах! Тарас-марас!» — междометия, восклицания.

Пословицы и поговорки

Глаз видит близкое, ухо слышит далекое.

Был бы конь — будет и седло, был бы нож — найдутся и ножны.

Что не сможет сделать топор,— сделает добрый совет.

Сила народа сильнее ледохода на реке.

Спрашивай не у старого, спрашивай у бывалого.

Несколько хороших слов — сладко, слишком много слов — приторно.

Кичилась водяная курица белым пятном на лбу.

Загадки

Овсом не питается, кнутом не гоняется, очень сильный, говорят. Что это?

Трактор.

Птичье сердце, заячья душа.

Трусливый человек.

Есть, говорят, немой учитель. Что такое?

Книга.

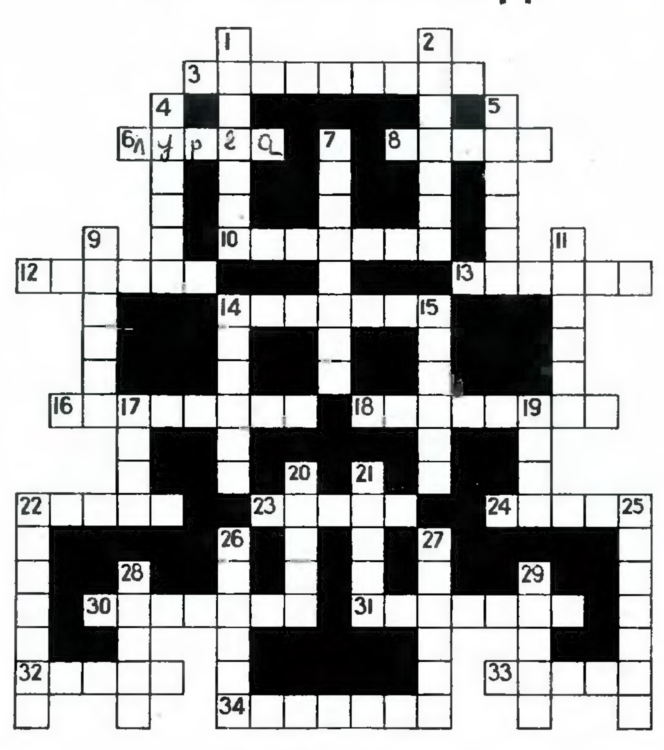
Мать дитя свое сосет.

Река и приток.

Старик Антон на одной ноге стоит.

Гриб.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Ценный пушной зверек. 6. Снежная буря. 8. Представитель народа, проживающего в некоторых национальных округах РСФСР. 10. Приток Северной Двины. 12. Рыбопромысловое судно. 13. Морская рыба семейства тресковых. 14. Озеро в Мурманской области. 16. Охотничий заготовительно-снабженческий пункт. 18. Травы и кустарники семейства бобовых. 22. Малая гагарка. 23. Полярная лисица. 24. Подзона хвойных лесов. 30. Река в Красноярском крае. 31. Полярный исследователь. 32. Сани. 33. Житель побережья Белого и Баренцова морей. 34. Полярная область.

По вертикали:

1. Остров, входящий в состав Архангельской области. 2. Местное название самки северного оленя. 4. Род растений семейства осоковых. 5. Млекопитающее. 7. Дикий гусь. 9. Рыба. 11. Мужская одежда. 14. Важный промышленный центр. 15. Минерал. 17. Автономная советская республика. 19. Морская утка. 20. Ластоногое млекопитающее. 21. Одна из стран света. 22. Животное, служащее кормом песцу и белой сове. 25. Плавучая ледяная гора. 26. Болотистое пространство приполярных областей. 27. Река в Таймырском национальном округе. 28. Рога. 29. Ледяная глыба.

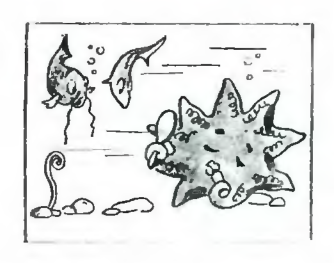
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. Пантограф. 8. Померанец. 10. Палеоботаника. 12. Брно. 13. Вади. 14. Барисфера. 16. Наука. 17. Виола. 18. Фауна. 21. Марокко. 22. Блокада. 23. Битва. 24. Ливорно. 25. Критика. 27. Сайга. 30. Надел. 31. Ераст. 32. Абонемент. 35. Пери. 36. Июнь. 37. Консерватория. 40. Диссонанс. 41. Трактовка.

По вертикали:

1. «Гастроном». 2. Зона. 3. Срок. 4. Мелодрама. 6. Риека. 7. Фабрика. 8. Патефон. 9. Минер. 10. Полупроводник. 11. Автоматизация. 14. Баркарола. 15. Авторитет. 18. Фобос. 19. Устой. 20. Абака. 24. Ланцетник. 26. Антоновка. 28. Амнерис. 29. Гимнаст. 33. Басма. 34. Ниоба. 38. Обои. 39. Иота.

— А это наша морская звезда, ее снимали уже для восьми научно-популярных фильмов.

— Эх, не будет сегодня охоты: черный котик переплыл дорогу.

Рис. К. Невлера и М. Ушаца.

В этом номере на вкладках репродукции картин В. В. Мешкова «На севере», К. Г. Дорохова «Ненецкая девушка с книгой», В. В. Крайнева «У причала», В. К. Бялыницкого-Бирули «Заполярная Нивская ГЭС», Д. К. Свешникова «Скорая помощь», Г. А. Семакова «К сыну» и четыре страницы цветных фотографий.

ПОНРАВИЛАСЬ ЛИСИЧКА...

Рис. Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00723. Подписано к печати 13/II 1957 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 121. Заказ 227.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В золотодобывающей промышленности Колымы внедряются новейшие механизмы. На снимке: буровой мастер И. Островерхов работает на буровом станке «СБ-4» в шахте рудника имени Матросова.

Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.

